

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 1 (48)

2022

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 44-91-74

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 31.03.2022.
Выход в свет 20.05.2022.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 4,8.
Тираж 25 экз. Заказ 3-130-22.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия; Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

О НЕКОТОРЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИХ СТРУКТУРУ И СОДЕРЖАНИЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА (НА ПРИМЕРЕ УК РСФСР 1922 ГОДА) Д.В. Голенко.....	5
О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА А.А. Иванов.....	13
К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Ю.О. Мещерякова, А.Р. Тахаутдинова, Т.В. Мычак.....	21
НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ В.Ю. Моисеева, А.В. Моисеев.....	28
ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ Ч. 1 СТ. 144 УПК РФ НА СТАДИЮ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА А.В. Мурузиди.....	34
НАШИ АВТОРЫ.....	40

CONTENT

CONCERNING SOME DETERMINANTS GOVERNING THE STRUCTURE AND CONTENT OF SPECIAL PART OF THE CRIMINAL LAW (BY THE EXAMPLE OF THE RSFSR CC OF 1922) D.V. Golenko.....	5
CONCERNING THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISMS OF IMPLEMENTATION OF THE ANTI-CORRUPTION FUNCTION OF THE STATE A.A. Ivanov.....	13
REVISITING THE SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE Yu.O. Meshcheryakova, A.R. Takhautdinova, T.V. Mychak.....	21
EARNED INCOME TAX IN THE SYSTEM OF SPECIAL TAX REGIMES V.Yu. Moiseeva, A.V. Moiseev.....	28
THE INFLUENCE OF AMENDMENTS OF PART 1 OF ARTICLE 144 OF THE RF CRIMINAL PROCEDURE CODE ON THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE A.V. Muruzidi.....	34
OUR AUTHORS.....	40

О НЕКОТОРЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИХ СТРУКТУРУ И СОДЕРЖАНИЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА (НА ПРИМЕРЕ УК РСФСР 1922 ГОДА)

© 2022

Д.В. Голенко, кандидат юридических наук, доцент

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: Особенная часть уголовного закона; социально-экономические факторы; политические условия; структура уголовного закона; законодательная техника.

Аннотация: Построение Особенной части уголовного закона – актуальная проблема для любого государства. Важным вопросом является установление детерминант, оказывающих влияние на структуру и содержание этого компонента. Ретроспективный анализ изменений законодательства позволяет выявить факторы, влияющие на Особенную часть уголовного закона, а также модели реагирования законодателя в контексте изменения этих факторов, что позволяет использовать имеющийся опыт для построения Особенной части современного отечественного уголовного кодекса. В работе рассматриваются два вида детерминант: социально-экономические и политические. В качестве примера анализируется Особенная часть УК РСФСР 1922 года. В период разработки и принятия этого закона происходят существенные трансформации в политической и социально-экономической жизни российского общества: изменены форма правления, тип экономики, социальные группы (отменены сословия). Исследуется влияние этих процессов на структуру и содержание Особенной части УК РСФСР 1922 года. Обращено внимание на последовательность изложения и содержание законодательного материала. Положения Особенной части УК РСФСР 1922 года сравниваются с ранее действовавшим уголовным законодательством и последующим. Сделан вывод о том, что Особенная часть уголовного закона социально и политически обусловлена той ситуацией, в которой она создается. Влияние социально-экономических и политических факторов на уголовный закон неизбежно. В отдельных случаях государство пытается поспешно регламентировать изменяющиеся общественные отношения уголовно-правовыми средствами, что не всегда является криминологически обоснованным и оправданным. Необходимо аккуратно и обоснованно подходить к изменению уголовного законодательства.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование касается проблемы влияния социально-экономических и политических факторов на структуру и содержание Особенной части уголовного закона. Эта проблема является составной частью общего вопроса построения, содержания, влияния уголовной политики на уголовное законодательство. Значение детерминант, предопределяющих построение Особенной части уголовного законодательства, велико, что подтверждается любым существовавшим до настоящего времени уголовным законом. В одних случаях уголовный закон «выдерживает» изменчивость социальных и политических условий, преимущественно сохраняя определенную стабильность по форме и содержанию [1], в других – нет. Изменение внешних обстоятельств может быть настолько существенным, что возникает необходимость в принятии нового уголовного закона или новой его редакции. Эти процессы требуют научного исследования.

Построение уголовного закона и факторы, влияющие на это, всегда являлись предметом исследования в отечественной доктрине. Акцентируем внимание на современных исследованиях. Отечественная доктрина исследует проблемы развития системы и структуры уголовного законодательства с X до начала XXI века. В современной науке представлено уникальное исследование структуры и содержания уголовного закона в контексте исторических событий. Социально-экономические, политические и иные факторы отражены в нем через анализ различных источников, в том числе материалов судебных процессов, статистических данных, художественной литературы. Анализируя историю формирования уголовного законодательства, А.В. Нау-

мов во многом предугадал путь развития современного уголовного закона, но, что более важно, через исторический анализ показал, к каким последствиям могут привести реакции законодателя на различные социально-экономические и политические условия [2]. Озвучивание этих проблем является важным шагом на пути их решения.

Особое внимание в доктрине уделено влиянию уголовной политики на современный закон, анализу процессов криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации под воздействием современных политических и социально-экономических условий. Как обоснованно отмечено в науке, уголовная политика проделала путь от генезиса до кризиса [3], что нашло отражение в структуре и содержании современного уголовного закона. В доктрине уже представлены варианты решения упомянутой проблемы, например теоретическая модель Особенной части уголовного закона, построенная с учетом современных социально-экономических и политических факторов [4]. Однако она имеет недостатки в виде повторения имеющихся ошибок современного законодательства. Безусловно, проделана колоссальная работа по подготовке варианта Особенной части уголовного закона. Пока такие проекты единичны и необходимы. В основном авторы предлагают изменить какую-либо статью или главу, упуская из виду всю систему Особенной части уголовного закона. Однако системный подход к исследованию уголовного закона важен. В связи с этим обратим внимание и на методологические проблемы исследуемой темы, поднятые в современной доктрине. Так, в науке обозначена проблема возможности применения системного метода при исследовании влияния социально-экономических и политических детерминант на уголовный

закон. Исследователи пишут, что «системный анализ уголовного права чреват "потерей" таких факторов, влияющих на законодательный процесс, как исторические, культурные, национально-традиционные, политические, социально-экономические» [5, с. 339]. Полагаем, что системный метод нельзя исключать или ограничивать в применении, он должен использоваться в совокупности с другими методами при исследовании проблем построения Особенной части уголовного закона. Изучение последней как системы позволяет установить влияние рассматриваемых детерминант на ее структурные компоненты. Нередко именно через представленную систему и ее анализ исследователь может наблюдать отражение социально-экономического и политического контекста принятия и изменения уголовного закона.

В науке дореволюционного, советского и современного периодов обозначены фундаментальные идеи построения Особенной части уголовного закона. Однако эти труды касаются либо в целом проблем построения уголовного закона или его Особенной части, либо отдельных вопросов законодательной техники, влияния уголовной политики на законодательную деятельность, результатов криминализации и т. д. До настоящего времени недостаточно исследована проблема влияния социально-экономических и политических факторов на структуру и содержание Особенной части отечественного уголовного закона. Необходимо продолжить и расширить исследования по проблемам построения Особенной части уголовного закона, в частности по влиянию социально-экономических и политических детерминант на этот процесс.

В настоящей работе рассматривается влияние двух видов детерминант: политических и социально-экономических. Существует несколько вариантов рассмотрения влияния этих факторов на Особенную часть уголовного закона. Один из них – исследование генезиса отечественной Особенной части и анализ результатов влияния этих детерминант в целом. Однако подобное исследование скорее допустимо для монографии и будет, вероятно, необоснованно сжато представлено в рамках одной статьи. Другой – исследование отдельных групп преступлений и их временная трансформация в свете детерминант. Однако это аспект изучения скорее отдельных видов преступления, а не Особенной части в целом. Нами выбран один закон как пример и отправная точка исследования – Особенная часть Уголовного кодекса РСФСР 1922 года (далее – УК РСФСР 1922 года). В переходный период влияние политических и социально-экономических детерминант на Особенную часть уголовного закона более заметно. Между УК РСФСР 1922 года и предыдущим отечественным уголовным законом в России произошли существенные политические и социально-экономические изменения: иная форма правления, другой тип экономики, упразднение сословий, формирование иных социальных групп. Это оказало влияние на Особенную часть УК РСФСР 1922 года.

Актуальность исследования состоит в выявлении результатов влияния социально-экономических и политических факторов на построение Особенной части уголовного закона с целью выявления имеющегося законодательного опыта, формулирования оптимальных

моделей реагирования на эти детерминанты, учета имеющегося опыта в современном законодательном процессе. Ретроспективный анализ Особенной части отечественного уголовного закона позволяет обратить внимание на некоторые реакции законодателя на меняющиеся обстоятельства, учесть последствия этих реакций, задуматься о современной уголовной политике с учетом предыдущего законодательного и правоприменительного опыта.

Цель работы – исследование влияния социально-экономических и политических факторов на структуру и содержание Особенной части отечественного уголовного закона.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в несколько этапов: изучение социально-экономических и политических условий в России начала XX века; сравнительный анализ текста Особенной части отечественного уголовного законодательства со второй половины XIX по XXI век с учетом выявленных детерминант; изучение научных теорий и концепций по теме исследования; описание результатов влияния социально-экономических и политических детерминант на структуру и содержание Особенной части уголовного закона.

В ходе исследования применялись такие методы, как исторический, сравнительный, формально-логический анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Некоторые социально-экономические и политические детерминанты, повлиявшие на Особенную часть уголовного закона в начале XX века

На момент разработки и принятия УК РСФСР 1922 года был свергнут царский режим, к власти пришли большевики, страна пережила несколько революций и находилась в стадии Гражданской войны, кроме того, имела место интервенция. Особенностью этого исторического этапа развития российского государства было желание создателей нового уголовного закона¹ подчеркнуть отсутствие преемственности между советской и царской властью [6], в связи с чем уголовный закон тщательно разрабатывался и обсуждался [7]. В доктрине отмечается, что специфическая обстановка внутри государства способствовала превращению уголовного права в революционный фактор, защищающий пришедший господствующий класс², а идеология законности в этот период сменилась идеями революционной классовой целесообразности [8]. В сложившихся в государстве условиях в тот период приоритетными являлись охрана и сохранение позиций новой власти, противодействие воздействию иностранных государств на ситуацию внутри России, стабилизация отношений внутри страны и урегулирование экономических отношений. В научных работах озвучено мнение, что уго-

¹ Исаев М.М. Уголовный кодекс 1 июня 1922 г. // Советское право. 1922. № 2. С. 17–28.

² Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР: часть общая. М.: НКЮ РСФСР, 1925. 235 с.

ловный закон этого периода имеет существенную политическую направленность.

Все эти факторы предопределили построение Особенной части УК РСФСР 1922 года, которая отличалась лаконичностью, включала всего 8 глав, в отличие, например, от «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года (далее – Уложение 1845 года), Особенная часть которого включала более 70 глав, а также Особенной части Уголовного уложения 1903 года (далее – Уложение 1903 года), состоящей из 36 глав. Последующие советские уголовные законы сохранили немногочисленность глав в Особенной части (Особенные части УК РСФСР 1926 года – 9 глав, УК РСФСР 1960 года – 12 глав).

Построение глав о государственных и должностных (служебных) преступлениях в Особенной части УК РСФСР 1922 года

Специфической чертой УК РСФСР 1922 года стало расположение главы о государственных преступлениях в начале Особенной части закона. Последовательность расположения глав в Особенной части уголовного закона во многом обусловлена значимостью объекта охраны, по УК РСФСР 1922 года она предопределена идеологической концепцией нового рабоче-крестьянского строя [9]. В этот период объект правовой охраны рассматривается как господствующие общественные отношения, на которые посягает любое правонарушение, и которые охраняются господствующим классом при помощи закона [10]. Именно классовый характер законодательства, охрана интересов господствующего класса характерны для Особенной части УК РСФСР 1922 года. Это идея нашла отражение во всех советских уголовных кодексах. В ранее действовавшем царском законодательстве (например, Уложении 1903 года) сначала следовали преступления против веры, затем преступления против верховной власти, императора и членов его семьи. Изменение формы правления в России закономерно повлекло исключение из Особенной части уголовного закона структурных компонентов, в которых предусматривалась ответственность за посягательства на императора и членов его семьи. Ни в советский, ни в постсоветский период в России больше не создавался структурный элемент внутри уголовного закона, закрепляющий статьи, касающиеся охраны исключительно руководителя государства и его близких родственников. В Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) государственные преступления расположены в главах 29–32 УК РФ, а в главе 16 (первой главе Особенной части УК РФ) речь идет о преступлениях против личности, что обосновано провозглашением высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина. Такое построение Особенной части уголовного законодательства подчеркивает важность соблюдения прав человека, о чем достаточно много написано в отечественной и зарубежной доктрине [11].

Уникальным для советского периода является создание в главе о государственных преступлениях Особенной части УК РСФСР 1922 года структурного элемента, посвященного контрреволюционным преступлениям. «Контрреволюционный» – слово, производное от слова «революция», что явно подчеркивает временную близость законодательства со свершившейся револю-

цией [12]. Особенная часть УК РСФСР 1922 года отражает такую политическую ситуацию внутри государства, когда результаты революции требуют защиты уголовно-правовыми средствами. Существование такой категории деяний характерно только для начального этапа построения социалистического уголовного закона. Несмотря на приход к власти большевиков, в государстве наличествуют активные оппозиционные силы. Контрреволюционные преступления включали в себя деяния, направленные на свержение рабоче-крестьянской власти. Как только советская власть укрепила свои позиции и практически полностью искоренила открытую конфронтацию внутри государства, понятие контрреволюционных преступлений навсегда исчезает из отечественного уголовного законодательства, что подтверждает отсутствие структурного компонента о контрреволюционных преступлениях в Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (далее – УК РСФСР 1960 года) [13] и УК РФ. Интересным является и отсутствие в УК РСФСР 1922 года ответственности за государственную измену или измену Родине. Ответственность за такого рода деяния была предусмотрена и в дореволюционном уголовном законе, и в последующих советских законах, в том числе в УК РСФСР 1926 года. Отсутствие такого состава преступления объясняется политическими детерминантами. «Родина» и «государство» ассоциировались с прежней властью, противники новой власти, используя эти слова, осуществляли попытку свергнуть власть и вернуться к дореволюционному режиму [14].

В главу о государственных преступлениях в Особенной части УК РСФСР 1922 года, помимо структурного элемента о контрреволюционных преступлениях, был включен и структурный элемент, посвященный преступлениям против порядка управления. Понимание преступлений против порядка управления отлично, например, от современного уголовного закона. В УК РСФСР 1922 года в их число входит широкий круг деяний: массовые беспорядки, подделка денежных знаков, отказ от уплаты налога, уклонение от воинской повинности, недонесение о преступлениях, сокрытие коллекций и памятников старины и искусства и др. Обусловлены специфическими политическими и социально-экономическими факторами, характерными для этого периода, например, преступления, связанные с отказом от производства работ, имеющих общегосударственное значение, сокрытие или неверное указание количества предметов, продуктов, скота и др., подлежащих обложению. Содержание структурного компонента о преступлениях против порядка управления обусловлено и господствующими в то время теоретическими взглядами его разработчиков относительно объекта и предмета уголовно-правовой охраны. В УК РСФСР 1926 года число преступлений против порядка управления возросло, в том числе из-за перемещения соответствующих положений в эту главу из других глав УК РСФСР 1922 года. В УК РСФСР 1926 года законодатель указывал, что эта группа преступлений направлена на ослабление силы и авторитета власти. Например, часть преступлений, которые относились к хозяйственным по УК РСФСР 1922 года, перешли в разряд преступлений против порядка управления в УК РСФСР 1926 года (нарушение правил о валютных операциях, прав трудящихся и др.) [15]. Такие перемещения обусловлены

приоритетом охраны авторитета власти внутри государства.

Политические детерминанты всегда влияют на содержание структурного элемента, посвященного государственным преступлениям. В зависимости от формы правления, политического режима и событий в государстве меняются признаки составов преступлений. В отечественных уголовных законах практически всегда имелись статьи, направленные на охрану государственной власти, территориальной целостности и др. Например, в Уложении 1903 года несколько статей посвящены охране верховной власти, ответственности за различные посягательства на изменение в России или в какой-либо ее части образа правления или порядка наследования престола (ст. 100, 121 и др.). В современном уголовном законодательстве также предусмотрена ответственность за насильственный захват или удержание власти в нарушение Конституции РФ (ст. 278 УК РФ). Признаки составов этой группы преступлений отличны в силу именно специфики политических детерминант в контексте исторических событий.

Вторая глава Особенной части УК РСФСР 1922 года посвящена должностным (служебным) преступлениям. Новая власть изменяла систему государственных органов. В них требовалось поддержание ее авторитета и утверждение порядка. Широкий круг преступлений в главе второй обусловлен желанием власти сохранить и укрепить свои позиции. Политические условия добавили классовую «специфику» должностным (служебным) преступлениям (например, дискредитирование власти «в глазах трудящихся» (ст. 109), «подрыв и расточение государственного достояния в ущерб интересам трудящихся» (ст. 110)). Однако, несмотря на уверения, что советский уголовный закон новый по форме и содержанию, к должностным (служебным) преступлениям были отнесены преступления, известные царскому и постсоветскому периоду (взяточничество, злоупотребление и превышение полномочиями и др.).

Влияние детерминант на структурный компонент Особенной части уголовного закона о религиозных преступлениях

Прослеживается влияние социальных и политических факторов на содержание третьей главы Особенной части УК РСФСР 1922 года, посвященной нарушениям правил об отделении церкви от государства. Это первый отечественный кодифицированный уголовный закон, где в Особенной части меняется взгляд на охрану отношений, связанных с верой. Для советской власти, в отличие от царской, церковь – не поддержка. Закон прямо запрещал использование религиозных предрассудков масс для свержения рабоче-крестьянской власти. Отделение церкви от государства подчеркивалось и в запрете присвоения религиозными или церковными организациями административных, судебных и иных публичных функций. Хотя в УК РСФСР 1922 года присутствовала статья о наказании за воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, указание в этой статье на условие «не нарушение общественного порядка» свидетельствует о возможности власти избирать необходимость реагирования. Существенное изменение взглядов законодателя на религиозные преступления можно проследить и при сравнении главы 2 Уложения

1903 года и главы 3 УК РСФСР 1922 года. Если Уложение 1903 года защищало православие и православных, наказывая за богохульство, бесчинство, погребение христианина без христианского обряда, совращение христианина в нехристианскую веру или иное христианское вероисповедание, выполнение родителями в отношении малолетних нехристианских обрядов, то УК РСФСР 1922 года не определяет православие в качестве основной религии. УК РСФСР 1922 года защищает от влияния на граждан советского государства любой религии. О существенном изменении политического отношения к религии свидетельствует и наличие в советском уголовном законе запрета на преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных и частных учебных заведениях и школах. 7 статей главы 3 УК РСФСР 1922 года, в отличие от 26 статей главы 2 Уложения 1903 года, отражают взгляд советского законодателя на регулирование религиозных отношений. В дальнейшем советский законодатель последовательно реализует свои взгляды на религию: например, в УК РСФСР 1926 года использование религиозных предрассудков масс для свержения власти перемещено из рассматриваемой группы преступлений в группу контрреволюционных преступлений. УК РФ как закон светского государства не включал в себя структурных компонентов, посвященных религиозным преступлениям. Однако изменение политических и социальных обстоятельств повлекло за собой введение ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ). В доктрине ведутся дискуссии относительно обоснованности и целесообразности наличия такого рода статей в современном уголовном законе.

Построение глав о хозяйственных и имущественных преступлениях, преступлениях против личности по УК РСФСР 1922 года

Экономическая ситуация в России начала 20-х годов XX века являлась сложной. Национальный доход упал с 11 млрд руб. в 1917 году до 4 млрд руб. в 1920 году [12], в стране активно шел процесс национализации, социальная обстановка была нестабильна. В 1921 году 22 губернии с населением 23 млн человек охватил голод [14].

Изменение типа экономики и экономической политики внутри государства повлекло за собой признание в качестве преступлений, например, трудовое дезертирство, бесхозяйственное использование рабочей силы, выдачу продуктов не по назначению, спекуляцию с иностранной валютой, приготовление спиртных напитков с целью сбыта, взимание квартирной платы с рабочих и государственных служащих сверх установленного размера, искусственное повышение цен на товары и др. Они были объединены в главу о хозяйственных преступлениях. Еще в 1921 году В.И. Ленин указывал, что «надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемым всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета»³,

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 43. М.: Издательство политической литературы, 1970. 552 с. С. 236–237.

«необходим военный поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей хлебную монополию»⁴. В законодательстве предыдущего периода также можно встретить преступления, схожие с хозяйственными, но не названные таковыми и отличные по содержанию в силу специфики социально-экономических условий (например, ответственность руководителей фабрик и других учреждений за несоблюдение условий труда, различные деяния, связанные с использованием хлебных запасов в нарушение установленных требований (Уложение 1845 года)). Как отмечалось выше, часть преступлений, которые законодатель в УК РСФСР 1922 года относил к хозяйственным, уже в УК РСФСР 1926 года переместились в преступления против порядка управления, то есть стали рассматриваться как преступления, подрывающие авторитет власти. Изменение типа экономики повлекло за собой, например, отказ законодателя от уголовной ответственности за спекуляцию в современном уголовном законе. Однако стремительно растущая в объеме глава 22 УК РФ представила новые варианты экономических преступлений, ранее неизвестных отечественному уголовному закону. Тем не менее анализ судебной статистики свидетельствует, что часть существующих статей криминологически не обоснованы и не применяются.

Глава о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности во многом схожа с десятым разделом Уложения 1845 года, в котором также предусмотрена ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц. Однако по законодательной технике она стоит выше. В Уложении 1845 года больше казуистических диспозиций (например, отдельно предусмотрена ответственность за убийство матери или отца). Кроме того, в этом законе в силу специфики социальных условий в обществе регулировались определенные моральные аспекты семейных отношений, например защита прав замужних женщин, регламентирование браков со старообрядцами и сектантами и др. УК РСФСР 1922 года отказался от такого «вмешательства» в семейные взаимоотношения, в нем использовался преимущественно абстрактный прием при создании статей, что заложило основу для дальнейших отечественных уголовных законов.

В главе об имущественных преступлениях также отражена социально-экономическая обстановка того времени. Например, отдельно была предусмотрена ответственность за кражу лошадей или крупного рогатого скота у трудового земледельческого населения. О.М. Иванова указывает, что «в данной части статьи защищаются интересы крестьянского населения страны, что соответствует историческому периоду» [16]. В период действия УК РСФСР 1922 года усиливалась уголовная ответственность за нанесение ущерба государству путем хищения социалистического имущества. Охрана общенародной собственности была одной из ключевых задач новой власти.

Влияния детерминант на содержание глав о воинских преступлениях и преступлениях против народного здоровья

В главе седьмой определено содержание понятия воинских преступлений. В эту группу преступлений входят посяательства военнослужащих Красной армии и Красного флота на установленный порядок военной службы. Глава включала различные преступления: уклонение от участия в боевых действиях, превышение военным начальником пределов своей власти, мародерство, военный шпионаж. Однако воинские преступления всегда имели определенную самостоятельность. В советский период, как и в предыдущие периоды, наличествовали, помимо уголовного закона, иные нормативные правовые акты, регламентирующие ответственность за совершение этих преступлений.

Заключительная глава Особенной части УК РСФСР 1922 года «Нарушение правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок» предусматривала ответственность за широкий круг деяний. В ней также отражены результаты влияния социально-экономических факторов, например наличие ответственности за непредставление в срок перечисленными в статье субъектами сведений о ходе работ, их производительности и др. (ст. 226) или публичные нарушения религиозными обрядами свободы движения (ст. 227).

А.В. Наумов указывает, что уже через два месяца после принятия УК РСФСР 1922 года в него начали вноситься изменения [2]. Например, ужесточение противодействия оппозиции внутри государства повлекло изменение Особенной части отечественного уголовного закона. В 1923 году к контрреволюционным преступлениям стали относиться деяния, направленные не только на свержение или подрыв власти, но и на покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции. В этом же году в связи с существующей ситуацией внутри государства, специфическими проявлениями борьбы с властью внутри государства, статья 63 УК РСФСР 1922 года была дополнена ответственностью за саботаж.

Некоторые предпосылки и итоги реформирования Особенной части УК РСФСР 1922 года

В период действия УК РСФСР 1922 года образовывается СССР. В 1924 году принимается Конституция СССР, затем Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Уголовное законодательство трансформируется. Как правило, решения о реформе уголовных законов принимаются и реализуются в связи с послекризисным укреплением власти или после перехода власти [10].

Представители власти и научное сообщество критически относились к созданному 1922 году уголовному закону, полагая, что он не отвечает в полной мере новой идеологии. Как отмечал А.Я. Эстрин, УК РСФСР 1922 года был «теоретически не вполне выдержан, ибо в советской юридической мысли еще имеется и живет очень много неясных, старых, традиционных, явно не наших воззрений, которые и проникли в редакцию УК 1922 года. На очередь ставится задача теоретически "свести концы с концами", построить марксистски

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1969. 731 с. С. 269.

выдержанную систему уголовной репрессии»⁵. В этот же период, как указал М.Д. Шаргородский, возникла необходимость согласования уголовных законов республик и законодательства СССР [17]. Помимо этого современные исследователи указывают на ряд системных ошибок, противоречий, наличествовавших в УК РСФСР 1922 года, требовавших законодательного разрешения [18], что подчеркивает важность системного подхода к созданию Особенной части уголовного закона [5]. Указанные обстоятельства, на наш взгляд, предопределили необходимость разработки в 1926 году новой редакции УК РСФСР, которая начала действовать с 1 января 1927 года.

Если проанализировать структуру и содержание Особенной части УК РСФСР 1926 года и Особенную часть УК РСФСР 1922 года, то она сохранила основные элементы, лишь контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления заняли самостоятельные главы, временно исчезло понятие «государственных преступлений», и последние две главы законодатель поменял местами. Как указывалось выше, ряд статей поменяли свое местонахождение. Однако наиболее существенные трансформации под влиянием политических и социально-экономических факторов в УК РСФСР 1926 года произошли в длительный период его действия, а не в момент принятия. Но это тема отдельного самостоятельного исследования.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Теоретическая значимость работы состоит в осмыслении проблемы влияния социально-экономических и политических детерминант на Особенную часть уголовного закона. Практическая значимость исследования состоит в том, что современный законодатель может учитывать законодательный опыт предшествующих эпох. Законодатель может оценить, какие реакции в тот период были оправданы, а какие нет, а также последствия реформирования уголовного законодательства под влиянием политических и социально-экономических детерминант. Это может способствовать обдуманному и обоснованному реформированию Особенной части уголовного закона.

Дальнейшему обсуждению подлежат вопросы формирования Особенной части уголовного закона под влиянием социально-экономических и политических детерминант. Важным является разработка и утверждение общей концепции построения Особенной части уголовного закона [19]. В работе обращено внимание на некоторые особенности построения структурных компонентов уголовного закона под влиянием обозначенных детерминант в России в начале XX века. Ретроспективный взгляд из иных социально-экономических и политических условий позволяет более точно установить реакции законодательных органов на происходящие в обществе процессы. Спустя век можно установить, какие модели утратили свою актуальность, а какие еще имеют значение и могут быть использованы сейчас, а также предположить, какие результаты будут

от их применения [20]. На современном этапе следует утвердить концептуальные основы, которые должны быть выработаны с учетом имеющегося опыта реагирования законодателя на неизбежно изменяющиеся социально-экономические и политические факторы [3].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Социально-экономические и политические детерминанты влияют на структуру и содержание Особенной части уголовного законодательства, что подтверждено анализом структуры и содержания Особенной части УК РСФСР 1922 года.

2. Особенная часть УК РСФСР 1922 года отражает реалии исторического периода его принятия и действия. Так, в ней впервые введено понятие контрреволюционных преступлений. Они помещены в первую главу Особенной части УК РСФСР 1922 года, что свидетельствует о важности объекта охраны для власти. В УК РСФСР 1922 года отсутствует большинство преступлений против веры, наличествовавших в предшествующий период. Глава о религиозных преступлениях изменила свое местоположение по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством, что также обусловлено влиянием детерминант. В уголовном законе имеются специфические экономические преступления, характерные только для этого времени.

3. Отражение в уголовном законе изменений социально-экономических и политических отношений чаще всего является неизбежным. Однако любые изменения должны быть криминологически и концептуально обоснованы, не нарушать общей системы уголовного закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабанова Л.Н., Ушакова Т.В., Кабанов П.А. Проблема законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», как специального вида мошенничества // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 11–18. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-4-11-18](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2021-4-11-18).
2. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. 1. М.: Проспект, 2021. 704 с.
3. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
4. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Дологов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2007. Т. 11. № 1. С. 109–118.
5. Bezverhov A.G., Norvartyan Y.S. Systematicity of the criminal legislation of Russia: Methodology issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. № 3. P. 325–342. DOI: [10.17516/1997-1370-0397](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0397).
6. Швецков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М.: Высшая школа, 1970. 207 с.

⁵ Эстрин А.Я. К вопросу о принципах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 1. С. 74–98.

7. Голенко Д.В. Построение Особенной части уголовного закона (на примере УК РСФСР 1922 года) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 2. С. 196–201.
8. Городнова О.Н. Эволюция отечественной уголовно-правовой идеологии // Вестник российского университета коопераций. 2020. № 1. С. 106–111.
9. Сизова В.Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 годы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1. С. 34–41.
10. Закомолдин Р.В., Дуионов В.К. О необходимости закрепления категории «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 26–31.
11. Marshall S.E. Criminalization and Sharing Wrongs // The Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 1998. Vol. 11. P. 7–22.
12. Борисова В.Р. Социально-политическая обусловленность уголовного права на примере различий общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года и общей части Уголовного кодекса РФ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 4. С. 37–40.
13. Голенко Д.В. Структура особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 112–119.
14. Памятники российского права. В 35 т. Т. 28. Уголовные кодексы РСФСР / под ред. Р.Л. Хачатурова, Т.В. Кленовой. М.: Юрлитинформ, 2016. 568 с.
15. Голенко Д.В. Исторический опыт структурирования Особенной части Уголовного кодекса (на примере УК РСФСР 1926 г.) // Юридический Вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 74–78. DOI: [10.18287/2542-047X-2019-5-3-74-78](https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-74-78).
16. Иванова О.М. Краткий очерк об истории становления советского уголовного законодательства об имущественных преступлениях (1917–1922) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 122–126.
17. Курс советского уголовного права. Часть Общая. В 5 т. Т. 2. / отв. ред. Н.А. Беляев. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1970. 670 с.
18. Петрушенков А.Н. Методологические основания формирования Общей и Особенной частей в первом Уголовном кодексе РСФСР // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1. С. 59–63.
19. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4. С. 4–12.
20. Асланян Р.Г. Понятие и содержание нормативного предписания особенной части уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 82–90.
21. Golenko D.V. Structure of a special part of the Criminal Code of the Russian Federation as a special type of fraud. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 4, pp. 11–18. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-4-11-18](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2021-4-11-18).
22. Naumov A.V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii* [Crime and punishment in the history of Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. Ch. 1, 704 p.
23. Korobeev A.I. *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa* [Russian criminal law policy: from genesis to crisis]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 352 p.
24. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Khutov K.M., Dolotov R.O. A theoretical model of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation: a summary of its structure and content. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, 2007, vol. 11, no. 1, pp. 109–118.
25. Bezverhov A.G., Norvartyan Y.S. Systematicity of the criminal legislation of Russia: Methodology issues. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 325–342. DOI: [10.17516/1997-1370-0397](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0397).
26. Shvekov G.V. *Pervyy sovetskiy ugolovnyy kodeks* [The first Soviet criminal code]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 207 p.
27. Golenko D.V. Structure of a special part of the criminal law (on the example of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic 1922). *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 196–201.
28. Gorodnova O.N. Evolution of the Russian criminal legal ideology. *Vestnik rossiyskogo universiteta kooperatsiy*, 2020, no. 1, pp. 106–111.
29. Sizova V.N. The evolution of Russian criminal legislation in the period from 1917 to 1924. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2021, no. 1, pp. 34–41.
30. Zakomoldin R.V., Duyunov V.K. On the necessity to fix the categories of national security and military security in the criminal law. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 3, pp. 26–31.
31. Marshall S.E. Criminalization and Sharing Wrongs. *The Canadian Journal of Law and Jurisprudence*, 1998, vol. 11, pp. 7–22.
32. Borisova V.R. Socio-political conditionality of criminal law on the example of the differences between the general part of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 and the general part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*, 2021, no. 4, pp. 37–40.
33. Golenko D.V. Structure of a special part of the Criminal Code of the RSFSR 1960. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2019, no. 4, pp. 112–119.
34. Khachaturov R.L., Klenova T.V., eds. *Pamyatniki rossiyskogo prava. Ugolovnye kodeksy RSFSR* [Monuments of Russian law. Criminal codes of the RSFSR]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. Vol. 28, 568 p.
35. Golenko D.V. Historical experience of structuring of the Special part of the Criminal Code (on the example of the Criminal Code of the RSFSR of 1926).

REFERENCES

1. Kabanova L.N., Ushakova T.V., Kabanov P.A. The problem of legislative structure of the body of a crime pro-

- Yuridicheskiy Vestnik Samarskogo universiteta*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 74–78. DOI: [10.18287/2542-047X-2019-5-3-74-78](https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-74-78).
16. Ivanova O.M. Short essay on the history of the soviet criminal legislation on property offenses (1917–1922). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, no. 6, pp. 122–126.
17. Belyaev N.A., ed. *Kurs sovetskogo ugolovnoogo prava. Chast Obshchaya* [The course of Soviet criminal law. Part General]. Leningrad, LGU im. A.A. Zhdanova Publ., 1970. 670 p.
18. Petrushenkov A.N. Methodological grounds of formation of Common and Specific parts of the first Criminal Code of RSFSR. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 59–63.
19. Babaev M., Pudovochkin Yu. The concept of criminal justice policy of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 4, pp. 4–12.
20. Aslanyan R.G. The concept and content of regulatory prescription in the special part of criminal law. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 82–90.

CONCERNING SOME DETERMINANTS GOVERNING THE STRUCTURE AND CONTENT OF SPECIAL PART OF THE CRIMINAL LAW (BY THE EXAMPLE OF THE RSFSR CC OF 1922)

© 2022

D.V. Golenko, PhD (Law), Associate Professor
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: Special part of the criminal law; socio-economic factors; political environment; criminal law structure; legislative technique.

Abstract: The construction of the Special Part of the Criminal Law is a topical issue for any state. The important task is to identify determinants influencing the structure and content of this component. The retrospective analysis of changes in the legislation allows identifying factors affecting the Special part of the criminal law, as well as the legislator's response model in the context of changes in these factors. It makes it possible to use the existing experience to construct the Special part of the current Russian criminal code. The paper considers two types of determinants: socio-economic and political. For example, the author analyzes the Special part of the RSFSR Criminal Code of 1922. During the development and adoption of this law, significant transformations took place in the political and socio-economic life of Russian society: the system of government, the economic type, and social groups were changed. The paper presents the study of the influence of these processes on the structure and content of the Special Part of the RSFSR Criminal Code of 1922. The author focuses on the representation arrangement and content of legislative material, compares the statements of the Special part of the RSFSR Criminal Code of 1922 with the formerly existing and subsequent criminal legislation. The author concludes that the Special part of the criminal law socially and politically depends on the situation, in which this law is created. The influence of socio-economic and political factors on criminal law is inevitable. In some cases, the state tries to hastily regulate the changing social relations using criminal law means that is not always criminologically relevant and reasonable. It is necessary to carefully and reasonably consider changes in criminal legislation.

О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

© 2022

А.А. Иванов, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: Конституция РФ; коррупция; поправки 2020 года; правоохранительная деятельность; функции государства; антикоррупционные функции государства.

Аннотация: Международные санкции и разворачивающийся в мире экономический кризис обуславливают необходимость повышать эффективность функционирования российского государства. В качестве традиционного негативного фактора, влияющего на качество выполнения государством своих функций, выступает коррупция, приводящая к нецелевому использованию имеющихся в стране ресурсов. В большинстве исследований мер противодействия коррупции подобные механизмы и процедуры рассматриваются с точки зрения узкоотраслевых норм административного или уголовного права, в связи с чем методологически важным является рассмотрение указанных механизмов в качестве взаимодействующих и имеющих всеобщий конституционно-правовой характер. Основная идея работы заключается в анализе текста Конституции РФ с выделением положений, которые в своей совокупности закрепляют на конституционном уровне антикоррупционный механизм, существующий в государстве. Формулируются авторские понятия коррупции и антикоррупционной функции государства, делается вывод о реальности действия в настоящее время соответствующих органов и процедур в сфере противодействия коррупции. Установлено, что в Российской Федерации многие антикоррупционные меры имеют фактически конституционный характер. Проанализировано содержание и соотношение понятий коррупции, антикоррупционного механизма и антикоррупционной функции государства. Рассматриваются изменения, внесенные в разное время в акты конституционного характера, что позволяет проследить поступательное развитие антикоррупционной политики в Российской Федерации. Делается вывод, что одной из основных целей изменений, вносимых в Конституцию Российской Федерации, является выстраивание антикоррупционных механизмов конституционного характера. Исследование позволяет говорить о наличии у государства обособленной антикоррупционной функции, которая в настоящее время претерпевает процессы своей объективации и формализации.

ВВЕДЕНИЕ

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая 31 октября 2003 года, указывает на подрыв в результате распространения коррупции демократических институтов и ценностей, правопорядка и национальной экономики, общих принципов управления публичными делами и имуществом, т. е. коррупция самым непосредственным образом угрожает конституционным основам существования современного государства. Искоренение коррупции в настоящее время является стратегическим национальным приоритетом, указанным в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Проблему в данном случае представляет то обстоятельство, что в ряду функций государства, выделяемых в работах по теории государства и права, антикоррупционная функция, как правило, не упоминается. Не содержится прямого упоминания самого термина «коррупция» и в тексте Основного закона.

С другой стороны, конституционное право, ответственное за правовое упорядочение общественных отношений в сфере организации и осуществления власти, не может уклониться от формирования системного видения способов преодоления коррупции посредством своих отраслевых механизмов [1]. В соответствии с известной формулой американского экономиста Р. Клитгаарда, показывающей зависимость уровня коррупции от различных условий, подконтрольность служащего является единственным способом, позволяющим уменьшить распространенность коррупции в обществе [2]. Согла-

шаясь с подобным мнением, сформулируем гипотезу исследования: именно в усилении контроля можно видеть повышение эффективности антикоррупционной деятельности государства. При этом в отношении государственных служащих может осуществляться предварительный контроль, предполагающий определенные «входные» требования к соискателю для занятия государственной должности, и текущий контроль, подразумевающий деятельность специализированных контрольно-надзорных органов, осуществляющих проверку информации о фактах обнаружения признаков коррупции в деятельности служащего.

В отечественной литературе коррупция часто рассматривается не как чисто юридическая, а как социальная проблема общества, источник социальной дезорганизации, одновременно она наделяется значимыми функциями. Наличие у коррупции социально значимых функций – непротиворечных для государства, но полезных с точки зрения отдельных представителей общества – препятствует реализации эффективной антикоррупционной политики [3; 4]. Как преступления в целом, так и коррупционные преступления в частности имеют прежде всего социальную природу, в связи с чем степень их распространенности в обществе во многом зависит от общественных процессов, в нем протекающих.

Ряд авторов отмечают при этом, что комплексному и системному характеру коррупции должны одновременно противопоставляться меры, предусмотренные различными отраслями права [5]. В последние годы довольно распространены труды, где анализируются проблемы противодействия коррупции в аспекте

сравнительного правоведения [6–8]. Исследование механизмов противодействия коррупции в зарубежных государствах представляет важность в том плане, что оно позволяет осуществлять рецепцию удачных антикоррупционных норм и процедур, выстраивать будущие направления развития отечественного антикоррупционного законодательства.

Большое внимание в современной научной литературе уделяется также изучению вопросов формирования антикоррупционной правовой культуры. Отмечается, что законосообразное поведение должностных лиц – ведущий фактор формирования правовой культуры общества, поскольку именно деятельность государственного служащего является той частью функционирования механизма государства, которая доступна для наблюдения рядовому человеку, именно с нее он может взять пример собственного поведения, наглядным образом уяснить правила и нормы функционирования соответствующего государственного аппарата [9; 10]. Законность деятельности должностного лица и ее полное соответствие Конституции РФ, таким образом, важны не только сами по себе, но и как фактор антикоррупционного воспитания общества.

Значительное внимание в современных исследованиях уделено вопросу выработки в государстве антикоррупционных стандартов поведения, что призвано способствовать надлежащему исполнению законодательства о противодействии коррупции [11–13]. Относительно подобных стандартов следует отметить, что положения Конституции всегда воспринимались как наивысший юридический стандарт, в соответствии с которым должна строиться жизнь в государстве. Включение в текст Конституции РФ соответствующих антикоррупционных положений, отчасти уже произошедшее в 2020 году, не только выполняет непосредственную роль нормативного регулирования, но и ставит высокую планку поведения для членов российского общества, создает особый антикоррупционный климат. В литературе отмечено, что в гражданском обществе с развитым антикоррупционным климатом растет уровень доверия, формируются условия для устойчивого развития антикоррупционного сознания. Но одних антикоррупционных стандартов поведения в данном случае будет недостаточно. Большинство ученых предлагает в обязательном порядке сформировать развернутую систему санкций за нарушение существующих антикоррупционных предписаний [14; 15].

Значительную исследовательскую работу в сфере исследования влияния конституционно-правовых механизмов противодействия коррупции ведет С.Н. Швердяев, отмечающий, что антикоррупционная культура шире предмета любой отрасли права, в том числе и конституционного. Автор рассматривает механизмы «перетекания» административных норм антикоррупционного характера в область конституционного права, что позволяет ему выделить такие этапы в развитии конституционных элементов отечественного антикоррупционного законодательства, как:

- запрет на совмещение должностей для депутатов Государственной думы (1993 год);
- объективация института декларирования доходов (2004 и 2008 годы);

- объективация института увольнения по утрате доверия для государственных служащих (2004 и 2011 годы);
- распространение положения о конфликте интересов на субъектов конституционно-правовых отношений (2015 год) и др. [16].

Активизирована была в последние годы и деятельность Конституционного суда Российской Федерации, некоторые решения которого могут иметь основополагающее значение для повышения эффективности реализации антикоррупционной функции российского государства. Например, как следует из позиций, выраженных в постановлении Конституционного суда РФ от 29 ноября 2016 года № 26-П и от 9 января 2019 года № 1-П и определениях Конституционного суда РФ от 6 июня 2017 года № 1163-О и от 02.10.2019 № 2653-О, обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, относится к особым правовым мерам, применяемым в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства и направленным на эффективное противодействие коррупции и защиту конституционно значимых ценностей. Данная мера может применяться также в отношении лиц, связанных с коррупционером. Но подобная разъяснительная деятельность органа конституционного контроля еще не получила должной оценки в специальной литературе.

Общее количество исследований, посвященных роли Конституции РФ в сфере противодействия коррупции, в настоящее время весьма немногочисленно. Едва ли не единственным примером подобного рода является труд С.А. Авакьяна [17]. Необходимо учитывать, однако, время, прошедшее после опубликования существующих на данный момент исследований рассматриваемой проблемы. В последние годы в отечественное антикоррупционное законодательство были внесены значительные изменения, кардинальную реформу претерпела и сама Конституция Российской Федерации в связи с принятием федерального конституционного закона от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и внесением соответствующей поправки в Основной закон. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость проанализировать ту роль, которую эти изменения могут в последующем играть в повышении эффективности реализации антикоррупционной функции российского государства.

Изучение вышедших за последнее время исследований в сфере противодействия коррупционной деятельности показывает, что они, как правило, проводятся с точки зрения административного или уголовного, реже – гражданского права. Проблематика коррупции с позиции конституционного права изучается достаточно редко. Важным аспектом подобного рода исследований является то обстоятельство, что в качестве антикоррупционных авторы рассматривают не только специальные нормы Конституции РФ, содержащие запреты и ограничения для должностных лиц, но и нормы общего характера, предусматривающие, например, право гражданина на информацию (статья 29 Конституции РФ) [18]

или конституционное гарантирование конкуренции и запрет монополистической деятельности (статья 34 Конституции РФ) [19], которые понимаются как важные принципы отечественной антикоррупционной политики. Обнаружение антикоррупционного содержания не только в специальных, но и в общих нормах Конституции РФ будет способно значительно обогатить российскую антикоррупционную политику, так как до настоящего времени данная проблема еще не получила должного рассмотрения в отечественной правовой науке. Дифференциация конституционных норм в рамках их антикоррупционного анализа на специальные (непосредственным образом закрепляющие в себе ограничения и запреты для должностных лиц) и общие (содержащие в себе конституционные правила организации и функционирования государства, отступление от которых указывает на коррупционную деформацию соответствующих общественных отношений) позволяет говорить о наличии у государства общей и специальной антикоррупционных функций.

Цель исследования – изучение сущности антикоррупционной функции российского государства и анализ действующих в ее рамках конституционно-правовых механизмов противодействия коррупции.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проанализированы понятия «коррупция» и «антикоррупционная функция государства», определены подходы к институционализации антикоррупционной функции государства с позиции отечественного конституционного законодательства. Выработанные к настоящему времени подходы в сфере противодействия коррупции были рассмотрены с точки зрения включенности соответствующих механизмов в текст отечественного Основного закона. Отдельно с позиции эффективности формализации антикоррупционной функции государства оценивались внесенные в 2020 году в Конституцию РФ изменения. Анализировалось соотношение между внесением изменений в Конституцию РФ и разработкой соответствующих документов стратегического планирования в сфере противодействия коррупции.

Выявлены и обобщены механизмы включения антикоррупционных механизмов в конституционное законодательство Российской Федерации, предложены способы решения возникающих в данном отношении проблем.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Определение коррупции

В современной специальной литературе коррупция обычно понимается как сложное социально-правовое явление, которое находит свое внешнее выражение в неправомерном использовании служащим закрепленных за ним государственно-властных, распорядительно-исполнительных либо административно-хозяйственных полномочий [20]. Представляется, однако, что коррупцию не следует сводить только к административной коррупции – злоупотреблениям государственных служащих – данные деяния могут рассматриваться в качестве коррупции в узком смысле этого слова. Говоря о широком понимании этого социального явления, мож-

но говорить, например, о коррупции политиков, представителей коммерческих организаций, работников организаций здравоохранения и образования, адвокатов, представляющих интересы своих подзащитных на основании гражданско-правового договора, и иных лиц, которые используют переданные им на основании закона, служебного контракта, трудового или гражданско-правового договора полномочия с целью, которая не соответствует цели передачи подобных полномочий. Как правило, подобное нецелевое использование переданных субъекту полномочий имеет корыстный мотив, но только им не ограничивается.

Коррупция представляет собой испорченность, «порочность» в функционировании механизма государства. Должностные лица, которые были вовлечены в осуществление коррупционной деятельности, преследуют не государственный и законный, а свой личный интерес. Пораженный коррупцией государственный аппарат в данном случае перестает стремиться к высоким конституционным идеалам, а преследует узкие личные или корпоративные цели.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400, отмечается, что нейтрализация внешних и внутренних угроз должна быть осуществлена посредством согласованных действий, направленных на достижение национальных целей развития. Опасность коррупции для государства в данном случае как раз и заключается в том, что коррупционеры действуют в нарушение нормативно установленных целей их деятельности. Независимо от того, происходит ли подобное отклонение от установленных целей в деятельности политика, чиновника, педагога или директора коммерческой организации, в любом случае это будет влечь деформацию – коррумпированность соответствующих общественных отношений. Публичные полномочия здесь используются в целях достижения не публичных, а более узких частных интересов.

В качестве основной проблемы в настоящее время должно рассматриваться фактическое воплощение антикоррупционных предписаний, существующих в отечественном, в том числе конституционном, законодательстве, в деятельности органов государственной власти и их должностных лиц.

Законодательная работа в сфере противодействия коррупции

Важность противодействия коррупции обуславливает необходимость формулирования соответствующих мер непосредственно в тексте Основного закона. Обозначенные меры могут носить как характер общих требований (например, статья 15 Конституции РФ: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы»), так и более специальный характер, направленный на предотвращение совершения именно коррупционных правонарушений. В качестве подобных специальных антикоррупционных норм в тексте Конституции РФ могут рассматриваться правила, внесенные поправкой 2020 года.

Изменения, вносимые в Конституцию РФ после ее принятия, предполагали реформирование функционирования

государственной власти Российской Федерации. Интерес для нашего исследования представляет оценка степени антикоррупционности подобного рода изменений и их связь с формированием обособленной от прочих направлений государственной деятельности антикоррупционной функции государства.

Начиная с 2008 года в Российской Федерации разрабатываются национальные планы противодействия коррупции. Шесть раз национальный план утверждался на двухлетний период, а в соответствии с указом Президента РФ от 16 августа 2021 года № 478 он был утвержден на 2021–2024 годы. Кроме специализированного нормативного акта – федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», отдельные антикоррупционные положения содержатся в законах, регулирующих вопросы прохождения государственной службы в различных органах власти (вооруженных силах, полиции, прокуратуре, следственном комитете и др.).

Значительное внимание проблемам противодействия коррупции было уделено при внесении поправки в Конституцию РФ в 2020 году. Так, в результате изменения статьи 71 Конституции РФ к исключительному ведению Российской Федерации теперь относятся вопросы организации публичной власти, порядка организации и деятельности государственных органов. В качестве общих требований в данной статье установлено: во-первых, ограничение, связанное с наличием у лиц, претендующих на замещение государственных или муниципальных должностей, гражданства, вида на жительство или иного документа, позволяющего данному лицу проживать на территории иного государства; во-вторых, запрет для служащих открывать и иметь счета (вклады), хранить денежные средства и ценности в иностранных банках за пределами территории российского государства. Данное требование законодатель счел необходимым продублировать в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (статья 77), руководителя федерального государственного органа (статья 78), Президента Российской Федерации (статья 81), сенаторов (статья 95), депутатов Государственной думы (статья 97), Уполномоченного по правам человека в РФ (статья 103), Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров (статья 110), судей (статья 119) и прокуроров (статья 129).

К укреплению текущего контроля относятся введение в Конституцию РФ статьи 103.1, предполагающей осуществление верхней и нижней палатами Федерального собрания парламентского контроля, а также изменение статьи 125, в соответствии с которой Конституционный суд РФ теперь официально рассматривается в качестве органа конституционного контроля. Значительное укрепление получили антикоррупционные полномочия главы государства, который формирует Администрацию Президента РФ. Статья также играет заметную роль в сфере реализации антикоррупционного механизма государства.

Наконец, значительный антикоррупционный потенциал, на наш взгляд, имеет включение в Конституцию статьи 75.1, в соответствии с которой в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия го-

сударства и общества, гарантируются экономическая, политическая и социальная солидарность, что имеет самое непосредственное отношение к выполнению задачи построения общества, свободного от коррупции.

Антикоррупционная функция российского государства

К функциям государства обычно относят правотворческую и правоохранительную, социальную и культурную, экономическую, функции международного сотрудничества и обороны государства. Появление новых сфер государственного управления позволяет исследователям заявлять о возникновении новых функций государства, таких, например, как духовная [21], экологическая [22] или антитеррористическая [23]. Функции государства представляют собой непрерывно эволюционирующие категории, отвечающие на вопрос о сущности государства на конкретном этапе его развития [24]. Понимаемые как основные направления деятельности государства, они обусловлены целями и задачами, которые стоят перед ним, а также ролью, которую государство выполняет в жизни общества и которая всегда носит многомерный характер [25].

Как отмечено в работе А.В. Малько и М.П. Петрова, «выделение особого, организационно-обособленного, самостоятельного направления политики государства, надгосударственных образований и международного сообщества, включающего мониторинг, сдерживание и нейтрализацию коррупционной деятельности, позволяет ставить вопрос об отнесении специфической антикоррупционной практики к разряду государственных функций» [26, с. 55].

Указанным авторам возражает С.Н. Швердяев, предлагающий говорить о наличии не функции, а «имплицитного конституционного принципа противодействия коррупции» [27].

При выборе между пониманием антикоррупционных конституционных механизмов как принципа (руководящей идеи) или функции (направления деятельности) последний вариант выглядит более предпочтительным, в особенности после включения в Основной закон антикоррупционных положений частного характера в рамках поправки 2020 года.

Традиционно задачи противодействия коррупции выполнялись в рамках правоохранительной деятельности, однако происходящее усложнение современной практики противодействия данному социальному явлению, включающее комплаенс, предупреждение конфликта интересов, периодические ротации государственных служащих и иные специфические организационные мероприятия, предполагает формирование отдельного обособленного направления государственной деятельности. Антикоррупционная функция в данном случае должна рассматриваться в качестве подфункции – частного аспекта и дальнейшего развития функции правоохранительной. Вместе с тем полностью отождествлять эти функции тоже не следует: кроме собственно правоохраны общественных отношений, возникающих в сфере государственного управления, антикоррупционная функция предполагает принятие и иных мер, в частности в сфере правотворчества.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Отчасти антикоррупционную функцию государства можно отождествить с его правоохранительной деятельностью, но полностью эти направления государственной деятельности не совпадают. Например, как указано в модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятом постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 15.11.2003 № 22-15, в качестве цели антикоррупционной политики государства может рассматриваться снижение уровня коррупции в обществе и обеспечение защиты прав и интересов как отдельных граждан, так и общества, государства в целом от рисков, связанных с коррупционными проявлениями. Поставленная цель должна достигаться совместной реализацией ряда взаимосвязанных задач, включающих профилактику коррупционной правонарушаемости; формирование соответствующего юридического механизма, который бы предотвращал взяточничество как лиц, обладающих публичным статусом в обществе, так и граждан – участников выборов и референдумов; обеспечение неотвратимости реализации института юридической ответственности во всех случаях коррупционных проявлений, а также возмещения ущерба, причиняемого подобными действиями; мониторинг условий, способствующих проявлению коррупции в обществе. Предлагается совершенствовать положения нормативно-правовых актов, чтобы снизить степень их неопределенности, а также развивать систему охраны прав и интересов граждан. Приведенный перечень действий может охватываться понятием осуществления соответствующей юридической работы, и указанные действия достаточно просто можно формализовать, урегулировать положениями принимаемых по этому поводу нормативно-правовых актов. Модельный закон, однако, указывает также и на необходимость иных действий, препятствующих проявлению коррупции, порядок осуществления которых урегулировать положениями нормативных актов будет значительно сложнее или вообще невозможно. Подобного рода действия, которые носят не юридический, а общесоциальный характер, подразумевают проведение в государстве эффективной антикоррупционной политики, формирование антикоррупционного общественного сознания, реализацию права граждан на доступ к информации о существующих проявлениях коррупции и коррупциогенных факторов (это направление противодействия включает в себя кроме собственно юридического также и организационное, техническое направление деятельности государственного аппарата), открытое освещение информации о коррупционных проявлениях в средствах массовой информации. В настоящее время предполагается также поощрять занятие должностей, характеризующихся высокой степенью коррупционной опасности, лицами неподкупными. Приведенный перечень действий включает в себя меры организационного, педагогического, политического, социологического, технического и экономического характера, которые могут быть урегулированы в положениях соответствующих нормативно-правовых актов, в том числе в тексте Основного закона, только предельно общим образом.

В настоящее время проблема противодействия коррупции рассматривается в целом ряде международных актов, являющихся частью правовой системы Россий-

ской Федерации. Изменения, которые были внесены в российское законодательство в последние годы, а также появление антикоррупционных процедур, препятствующих злоупотреблениям в деятельности должностных лиц, позволяют говорить о формировании у государства антикоррупционной функции, которая уже приобрела конституционно-правовой характер. Но фактическая реализация данной функции в настоящее время недостаточно эффективна. Требуется неукоснительное претворение в жизнь положений действующего антикоррупционного законодательства, подкрепленное осуществлением конституционного контроля. Это позволит повысить общую эффективность осуществления внутренней антикоррупционной политики в государстве.

В связи с тем, что коррупция представляет собой деяние, направленное против государственной власти, соответствующее указание предлагаем внести в статью 72 Конституции РФ, закрепляющую предметы совместного ведения Федерации и ее субъектов. Пункт «б» части 1 статьи 72 предполагает совместную компетенцию государства и его субъектов, призванных осуществлять «защиту прав и свобод человека и гражданина; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности». Исходя из этого, наличие у государства функции защиты от проявлений коррупции было бы логично включить в данную статью в качестве пункта «б1», сформулировав полномочие государства и его отдельных субъектов осуществлять «координацию вопросов противодействия коррупции, понимаемой как использование гражданином переданных ему полномочий вопреки требованиям закона или договора». Основной проблемой сейчас является формирование практики реализации существующих антикоррупционных механизмов. В настоящее время они применяются недостаточно эффективно, зачастую общественность даже сомневается в их наличии. Именно возврат доверия общества к деятельности государственного аппарата может рассматриваться в качестве одной из основных целей противодействия коррупции. Весьма перспективной в повышении эффективности реализации антикоррупционной функции государства представляется деятельность Конституционного суда РФ, однако потенциал данной деятельности еще не является в достаточной степени раскрытым.

Выявлено, что антикоррупционная функция, предполагающая обеспечение надлежащего исполнения должностными лицами существующих конституционных предписаний, выступает в качестве одного из аспектов реализации правоохранительной функции государства, проистекающей из общего требования статьи 15 Конституции РФ и призванной обеспечивать законосообразное поведение всех участников складывающихся в обществе социальных связей.

Установлено, что выделение антикоррупционного аспекта в рамках общих задач правоохраны призвано способствовать большей специализации и точности применения соответствующих правоохранительных мер.

Сформулирована следующая логическая цепочка аргументов. Основной закон, или Конституция, является актом, на основе которого учреждается и функционирует государство. Ориентиры функционирования российского государства были изложены законодателем в главе

первой Конституции РФ в качестве основ конституционного строя. Реализация этих ориентиров позволит достичь идеалов демократизма, федерализма, законности и светскости в функционировании государственного аппарата, создать в России правовое государство, защитить и обеспечить реализацию прав и свобод человека и гражданина. Всякое отступление от текста Конституции при осуществлении управленческой деятельности, нарушение духа или буквы Основного закона деформирующим образом влияет на всю систему из него проистекающих и на его основе складывающихся общественных отношений, приобретая тем самым коррупционный характер.

Сделан вывод, что неуклонное и последовательное приведение в жизнь любого конституционного положения, а не только содержащего прямые антикоррупционные ограничения, одновременно выступает в качестве акта реализации антикоррупционного механизма российского государства. Факт нарушения норм Конституции РФ в деятельности должностного лица свидетельствует об отступлении его от надлежащего направления приложения управленческих усилий, другими словами, об отступлении от реализации общей антикоррупционной функции.

Предложено дополнительно разделять антикоррупционную функцию государства на общую и специальную. Общая антикоррупционная функция государства находит свое выражение в обеспечении неуклонного соблюдения конституционных норм, специальная проявляется в профилактике, противодействии и минимизации проявлений коррупции.

ВЫВОДЫ

Антикоррупционную функцию государства следует рассматривать как имеющую комплексный характер. Она предполагает не только осуществление деятельности в сфере правотворчества и правоприменения, но и принятие мер, не носящих собственно юридического характера.

Российскому законодателю необходимо сформулировать легальное определение коррупции, которое следует включить в текст Конституции РФ.

Укрепление конституционных механизмов антикоррупционного контроля, выразившееся во включении в Конституцию РФ соответствующих норм, в настоящее время свидетельствует об укреплении антикоррупционной функции российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевердяев С.Н. Отражение современной антикоррупционной культуры в российском конституционном праве. М.: Юстицинформ, 2020. 320 с.
2. Klitgaard R. International Cooperation Against Corruption // Finance & Development. 1998. № 3. P. 3–6.
3. Киселев И.Ю., Зуева С.В. Восприятие россиянами коррупции как социальной проблемы // Власть. 2018. Т. 26. № 8. С. 169–182.
4. Боброва Н.А. Непотизм и конфликт интересов – системообразующие факторы коррупции // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 2. С. 41–51.
5. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Проблемы соответствия антикоррупционного законодательства Российской Федерации международным стандартам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 4. С. 673–690.
6. Ayubayeva S.S., Kussainova L.I., Ibrayeva A.S., Baimakhanova D.M., Saginaev M.Y. Improvement of the anti-corruption legislation in the field of state servant image formation // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2021. Vol. 100. № 4. P. 19–25. DOI: [10.26577/JAPJ.2021.v100.i4.03](https://doi.org/10.26577/JAPJ.2021.v100.i4.03).
7. Кобец П.Н. Генезис индийского антикоррупционного законодательства // Общество и право. 2021. № 3. С. 18–25.
8. Козлова Е.Б., Таранова Т.С., Буднецкий Н.С., Казачкова З.М. Основные направления и опыт реализации государственной политики антикоррупционного просвещения в России, республике Беларусь и Германии (сравнительно-правовой аспект) // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 387–399.
9. Костюков А.Н. О правоприменении в современной России // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 159–172. DOI: [10.24147/2542-1514.2017.1\(1\).159-172](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).159-172).
10. Иванова Л.Л., Батов А.Т. Антикоррупционное просвещение как одно из направлений профилактики коррупции в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 24–29. DOI: [10.22394/2079-1690-2021-1-1-24-29](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-24-29).
11. Дамм И.А. Антикоррупционные стандарты поведения лиц, осуществляющих управленческие функции в образовательной организации // Право и политика. 2017. № 12. С. 14–26.
12. Рашева Н.Ю. Законодательство о противодействии коррупции: региональный опыт (на примере Мурманской области) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 186–202.
13. Боброва Н.А. Конфликт интересов: правоприменение и конфликтология // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 89–99. DOI: [10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).89-99](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).89-99).
14. Шорохов В.Е. Политические механизмы формирования антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 3. С. 99–104. DOI: [10.26794/2226-7867-2021-11-3-99-104](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-3-99-104).
15. Кравец И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 3. С. 80–99.
16. Шевердяев С.Н. Формы утверждения современных антикоррупционных стандартов в российском конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 3. С. 86–109.
17. Авакьян С.А. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы. М.: Юстицинформ, 2016. 512 с.
18. Кадзаев Х.А. Теоретико-правовые аспекты противодействия коррупции посредством реализации принципа, информационной открытости // Право и госу-

- дарство: теория и практика. 2020. № 10. С. 126–128. DOI: [10.47643/1815-1337_2020_10_126](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_10_126).
19. Байдаров А.Д. Конституционный принцип поддержки конкуренции в Российской Федерации: проблемы реализации // Право и государство: теория и практика. 2015. № 10. С. 56–59.
 20. Платов Е.В. К вопросу о понятии и признаках коррупции // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3. С. 189–191.
 21. Бринчук М.М. Духовная функция государства как направление деятельности к духовно-экологической цивилизации // Государство и право. 2020. № 4. С. 47–57.
 22. Кодирзода М.А. Взаимодействие развития понятия «экологическая функция государства» и науки экологического права // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2021. № 1. С. 90–97.
 23. Миц Д.С. Антитеррористическая функция государства и правозащитная деятельность: осмысление проблем и поиски новых решений // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2. С. 26–32.
 24. Приймак Ю.А. Взаимосвязь между сущностью, формой и функциями государства, а также факторы, влияющие на эволюцию функций государства // Власть Закона. 2019. № 3. С. 214–221.
 25. Эгембердиева Н.А. Функции государства – как основные направления деятельности государства // Вестник Омского государственного университета. 2020. № 1-3. С. 268–271.
 26. Малько А.В., Петров М.П. Антикоррупционная функция современного российского государства: проблемы формирования // Право и государство: теория и практика. 2005. № 7. С. 54–65.
 27. Швердяев С.Н. Осмысление конституционного принципа противодействия коррупции: к вопросу о необходимости поддержки антикоррупционных исследований в российском конституционном праве // Законодательство. 2021. № 1. С. 34–39.
- REFERENCES**
1. Sheverdyayev S.N. *Otrazhenie sovremennoy antikorrupcionnoy kultury v rossiyskom konstitutsionnom prave* [Reflection of modern anti-corruption culture in Russian constitutional law]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2020. 320 p.
 2. Klitgaard R. International Cooperation Against Corruption. *Finance & Development*, 1998, no. 3, pp. 3–6.
 3. Kiselev I.Yu., Zueva S.V. The perception of corruption by the Russians as the social problem. *Vlast*, 2018, vol. 26, no. 8, pp. 169–182.
 4. Bobrova N.A. Nepotism and conflict of interest – systemic corruption factors. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost*, 2021, no. 2, pp. 41–51.
 5. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. Problems of compliance of Russian anti-corruption legislation with international corruption standards. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 673–690.
 6. Ayubayeva S.S., Kussainova L.I., Ibrayeva A.S., Baimakhanova D.M., Saginaev M.Y. Improvement of the anti-corruption legislation in the field of state servant image formation. *Journal of Actual Problems of Jurisprudence*, 2021, vol. 100, no. 4, pp. 19–25. DOI: [10.26577/JAPJ.2021.v100.i4.03](https://doi.org/10.26577/JAPJ.2021.v100.i4.03).
 7. Kobets P.N. The genesis of Indian anti-corruption legislation. *Obshchestvo i pravo*, 2021, no. 3, pp. 18–25.
 8. Kozlova E.B., Taranova T.S., Budnetskiy N.S., Kazachkova Z.M. Main directions and experience in implementing state policy of anti-corruption education in the Russian Federation, the republic of Belarus and Germany (comparative legal aspect). *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 387–399.
 9. Kostyukov A.N. About law enforcement in modern Russia. *Pravoprimerenie*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 159–172. DOI: [10.24147/2542-1514.2017.1\(1\).159-172](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).159-172).
 10. Ivanova L.L., Batov A.T. Anti-corruption education as one of the areas of corruption prevention in Russian Federation. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2021, no. 1, pp. 24–29. DOI: [10.22394/2079-1690-2021-1-1-24-29](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-24-29).
 11. Damm I.A. Anti-corruption standards of conduct of persons exercising managerial functions in educational organizations. *Pravo i politika*, 2017, no. 12, pp. 14–26.
 12. Rasheva N.Yu. Anti-corruption legislation: regional experience (on the example of the Murmansk region). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 186–202.
 13. Bobrova N.A. Conflict of interest: law enforcement and conflictology. *Pravoprimerenie*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 89–99. DOI: [10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).89-99](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).89-99).
 14. Shorokhov V.E. Political mechanisms for the formation of anti-corruption consciousness of state and municipal employees. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 99–104. DOI: [10.26794/2226-7867-2021-11-3-99-104](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-3-99-104).
 15. Kravets I.A. Value of the constitutional teleology and constitutional legitimacy of the political and ideological diversity (pluralism): doctrine and practice. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 80–99.
 16. Sheverdyayev S.N. Forms of Approval of Modern Anti-Corruption Standards in Russian Constitutional Law. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2019, no. 3, pp. 86–109.
 17. Avakyan S.A. *Protivodeystvie korruptsii: konstitutsionno-pravovye podkhody* [Anti-corruption: constitutional and legal approaches]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2016. 512 p.
 18. Kadzaev Kh.A. Theoretical and legal aspects of combating corruption through the implementation of the principle of information openness. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2020, no. 10, pp. 126–128. DOI: [10.47643/1815-1337_2020_10_126](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_10_126).
 19. Baydarov A.D. Constitutional principles to support competition in the Russian Federation: problems of realization. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, no. 10, pp. 56–59.
 20. Platov E.V. To the question of the concept and signs of corruption. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2020, no. 3, pp. 189–191.
 21. Brinchuk M.M. Spiritual function of the state as a direction of activity towards spiritual and ecological civilization. *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 4, pp. 47–57.

22. Kodirzoda M.A. Interacion between the development the concept “ecolgical function of state” and the science of environmental law. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*, 2021, no. 1, pp. 90–97.
23. Mits D.S. The state’s anti-terrorist function and human rights activities: understanding problems and searching for new solutions. *Yuridicheskaya nauka i praktika*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 26–32.
24. Priymak Yu.A. Relationship between nature, form and functions of the state, factors influencing the evolution of state functions. *Vlast Zakona*, 2019, no. 3, pp. 214–221.
25. Egemberdieva N.A. The functions of the state as – the main directions of the state. *Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 1-3, pp. 268–271.
26. Malko A.V., Petrov M.P. Anticorruption function of the modern Russian state: problems of forming. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2005, no. 7, pp. 54–65.
27. Sheverdyayev S.N. Understanding constitutional anti-corruption principle: promotion of research in anti-corruption policy. *Zakonodatelstvo*, 2021, no. 1, pp. 34–39.

CONCERNING THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISMS OF IMPLEMENTATION OF THE ANTI-CORRUPTION FUNCTION OF THE STATE

© 2022

A.A. *Ivanov*, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: the RF Constitution; corruption; amendments of 2020; law enforcement activities; functions of the state; anti-corruption functions of the state.

Abstract: International sanctions and the unfolding economic crisis in the world cause the necessity to improve the efficiency of the Russian state’s functioning. Corruption leading to the misuse of resources available in the country acts as a traditional negative factor affecting the quality of the state’s performance of its functions. Most studies on the anti-corruption measures consider such mechanisms and procedures from the point of view of narrow administrative or criminal law norms, and in this regard, it is methodologically important to consider these mechanisms as interacting and being of a universal constitutional and legal nature. The main idea of the work is to analyze the text of the RF Constitution highlighting the provisions, which, in their totality, enshrine the anti-corruption mechanism existing in the state at the constitutional level. The author expresses the concepts of corruption and the anti-corruption function of the state; concludes about the reality of current actions of appropriate authorities and procedures in combating corruption. The study identified that many anti-corruption measures in the Russian Federation have a constitutional nature. The author analyzed the content and correlation of the concepts of corruption, anti-corruption mechanism, and anti-corruption function of the state. The study considers the amendments to acts of a constitutional nature made at different times, which allows tracing the progressive development of anti-corruption policy in the Russian Federation. The author concludes that one of the main goals of amendments to the Constitution of the Russian Federation is the forming-up of constitutional anti-corruption mechanisms. The study suggests that the state performs a special anti-corruption function, which is currently undergoing the processes of its objectification and formalization.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2022

Ю.О. Мещерякова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

А.Р. Тахаутдинова, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Т.В. Мычак, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: меры пресечения; уголовный процесс; заключение под стражу; домашний арест; основания применения мер пресечения; система мер пресечения.

Аннотация: Меры пресечения в уголовном процессе представляют собой наиболее строгие меры принуждения, направленные на ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина, что обуславливает повышенное внимание к вопросам их правового регулирования и обоснованности применения. Рассмотрены понятие и цели применения мер пресечения в уголовном процессе, проанализирована система мер пресечения, выявлены тенденции к ее изменению, сделаны выводы о необходимости реформирования системы мер пресечения в уголовном процессе. Проведен анализ положений главы 13 УПК РФ, а также современных научных подходов к пониманию системы и назначения мер пресечения в уголовном процессе. По итогам исследования с учетом результатов изучения правоприменительной практики авторы пришли к выводу о недостаточной эффективности системы мер пресечения. Это выражается в фактическом применении лишь двух мер пресечения: подписки о невыезде и заключении под стражу – и отказе от применения иных мер пресечения в силу их неэффективности или недостаточности технических возможностей для их применения. Анализ законодательства в части регулирования порядка применения мер пресечения позволил сформулировать несколько предложений по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, направленных на повышение эффективности их применения: закрепить в УПК РФ определение мер пресечения; расширить перечень ограничений при применении мер пресечения, не связанных с ограничением свободы; исключить из числа мер пресечения личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, наблюдение командования воинской части, запрет определенных действий.

ВВЕДЕНИЕ

В уголовно-процессуальное законодательство в части правового регулирования мер пресечения регулярно вносятся изменения: появляются новые меры пресечения (запрет определенных действий), совершенствуется правовая регламентация уже существующих (домашний арест, залог). Судебная статистика свидетельствует о расширении числа реально применяемых мер пресечения, а правоприменительная практика ставит все новые вопросы.

Одним из наиболее острых вопросов уголовно-процессуальной науки является совершенствование системы мер пресечения. На страницах научных изданий с давних пор ведутся жаркие дискуссии как по вопросам применения отдельных мер пресечения, так и по вопросам реформирования системы мер пресечения в целом. Так, в результате комплексного исследования системы мер пресечения К.В. Муравьев пришел к выводу о необходимости внести кардинальные изменения в систему мер принуждения в целом и мер пресечения в частности, включив в нее меры трех уровней: основные ограничения, дополнительные ограничения и обязательства, способы обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств [1]. С.И. Вершинина и В.А. Лазарева предложили сократить число мер пресечения и сохранить подписку о невыезде и заключение под стражу как наиболее распространенные меры пресечения [2]. В.В. Рудич отметил, что проблема необоснованного избрания мер пресечения обусловлена существующей моделью механизма применения мер пресечения, и предложил ввести судебно-правовой

стандарт для решения вопроса об избрании мер пресечения [3].

К числу наиболее острых проблем правового регулирования и применения мер пресечения также относятся вопросы неэффективности применения мер пресечения, не связанных с ограничением свободы. Так, Ф.К. Зиннуров и Э.Д. Шайдуллина, рассматривая проблемные аспекты избрания присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в качестве меры пресечения в ходе предварительного расследования, приходят к выводу о необходимости внести изменения в уголовно-процессуальный закон, ограничив применение подписки о невыезде к несовершеннолетним установлением факта полной дееспособности несовершеннолетнего. Кроме того, если отсутствует объективная возможность передать несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр его родителям, опекунам, попечителям либо администрации специализированного учреждения, где несовершеннолетний проживает, они предлагают помещать его по судебному решению в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа [4]. С.А. Яковлева и А.С. Кутянина, исследовав проблемы уголовно-процессуального регулирования избрания и применения подписки о невыезде, предлагают законодательно установить обязанность должностного лица избирать и применять подписку о невыезде в отношении привлекаемого к уголовной ответственности лица по всем уголовным делам за совершение любого преступления [5].

Относительно новой является проблема применения запрета определенных действий как меры пресечения. В юридической литературе говорится как о ее неэффек-

тивности, так и о недостаточности правового регулирования. А.В. Ендольцева, анализируя запреты, налагаемые на подозреваемого, обвиняемого, делает вывод о возможности исключить из ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрет подозреваемому, обвиняемому выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Автор также указывает на невозможность установить запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством на срок больший, чем срок лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством, в соответствии с УК РФ [6]. М.О. Румянцева, рассматривая правовые основания применения запрета определенных действий наряду с иными мерами пресечения, обращает внимание на противоречие ч. 1 ст. 97 УПК РФ и ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ. Решение данной проблемы видится ею в исключении ч. 1.1 из ст. 97 УПК РФ [7].

Проблемы избыточности и необоснованности избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения неоднократно обсуждались учеными-процессуалистами. Вопрос о необходимости сократить количество случаев заключения под стражу в пользу альтернативных мер пресечения рассматривался и Европейским судом по правам человека, который указал на наличие структурной проблемы: ненадлежащее функционирование российской пенитенциарной системы, выражающееся в неадекватных условиях содержания под стражей (дело «Ананьев и другие против Российской Федерации», постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г.). Т.К. Рябинина и И.Н. Чеботарева, рассматривая причины избыточности применения заключения под стражу как меры пресечения, на основе анализа статистических данных пришли к заключению о том, что залог и домашний арест не представляют собой альтернативы заключению под стражу [8].

Решение указанных проблем требует системного подхода, пересмотра целей и оснований применения мер пресечения, реформирования системы мер пресечения в целом.

Цель исследования – изучение и системный анализ проблем правового регулирования системы мер пресечения в уголовном процессе РФ.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проведено в несколько этапов:

- 1) сформулированы обобщенное понятие и цели применения мер пресечения;
- 2) выявлены проблемы правового регулирования и применения мер пресечения, не связанных с ограничением свободы;
- 3) на основе изучения статистических данных установлены причины редкого применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу.

На каждом из этапов изучались научная литература по теме исследования, сопоставлялись научные идеи и российский уголовно-процессуальный закон, для проверки тезисов анализировались данные судебной статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие и цели применения мер пресечения

Уголовное преследование всегда встречается на своем пути противодействие со стороны лиц, в отношении которых оно осуществляется, что обуславливает необходимость существования мер уголовно-процессуального принуждения, призванных обеспечить эффективность уголовного преследования. Меры пресечения являются наиболее строгими из мер принуждения, поскольку направлены на существенное ограничение прав и свобод, в том числе конституционных, подозреваемого, обвиняемого. Они представляют собой инструмент обеспечения порядка уголовного судопроизводства и всегда носят ограничительный характер по отношению к подозреваемому, обвиняемому.

Уголовно-процессуальный закон не содержит дефиниции мер пресечения. В юридической литературе предлагается множество определений мер пресечения [9–11], однако большинство из них содержат указание на одни и те же признаки. Так, меры пресечения понимаются как вид мер уголовно-процессуального принуждения, применяемый уполномоченным должностным лицом к подозреваемому или обвиняемому и состоящий в ограничении их личных и имущественных прав и свобод в целях обеспечения должного поведения в ходе всего уголовного судопроизводства [12; 13].

Цели избрания мер пресечения, изложенные в ст. 97 УПК РФ, свидетельствуют об их превентивном, обеспечительном характере, поскольку из буквального смысла ст. 97 УПК РФ следует, что меры пресечения направлены на недопущение совершения подозреваемым и обвиняемым действий, препятствующих уголовному судопроизводству. Превентивный характер мер пресечения обоснованно отмечался многими процессуалистами [8; 14; 15]. Однако само название этих мер принуждения указывает на другую их функцию – пресечение. В толковом словаре Д.Н. Ушакова «пресекать» означает «предотвращать». По нашему мнению, о проявлении пресекающего характера мер пресечения можно говорить лишь в условиях нарушения подозреваемым, обвиняемым меры пресечения и замены ее на более строгую. Например, замена подписки о невыезде заключением под стражу возможна при условии нарушения подозреваемым, обвиняемым обязательства не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда. Применение заключения под стражу в данном случае направлено на предотвращение дальнейших нарушений, т. е. пресечение.

Определение характера мер пресечения именно как обеспечительного, а не как пресекающего позволяет рассуждать о несоответствии системы мер пресечения целям их применения.

Проблемы правового регулирования и применения мер пресечения, не связанных с ограничением свободы

Подписка о невыезде является наиболее распространенной мерой пресечения и применяется по подавляющему числу уголовных дел. По результатам

выборочного опроса следователей и дознавателей в разных регионах страны (всего 127 респондентов) подписка о невыезде большинством должностных лиц органов предварительного расследования применяется к любому подозреваемому, обвиняемому вне зависимости от наличия оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ [16], т. е. по каждому уголовному делу. Результаты этих исследований свидетельствуют о возможности рассматривать в качестве основания применения подписки о невыезде факт приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого [2].

Стоит заметить, что применение подписки о невыезде возможно только при согласии лица, к которому она применяется, эта мера относится к числу мер психологического принуждения. Конституционный суд РФ указал, что само по себе вынесение постановления об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении – без отобрания у лица указанного письменного обязательства – не позволяет считать эту меру примененной и влекущей правовые последствия для подозреваемого или обвиняемого (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 года № 27-О).

Одной из проблем избрания подписки о невыезде, рассматриваемых в юридической литературе, является отсутствие механизмов, обеспечивающих исполнение подписки о невыезде [5]. Однако, на наш взгляд, такие механизмы и не требуются, поскольку сущность подписки о невыезде заключается именно в сознательном исполнении лицом возложенных на него обязанностей. Такое исполнение обеспечивается только внутренним убеждением подозреваемого, обвиняемого. Создание же дополнительных средств обеспечения применения данной меры пресечения изменит ее сущность и возложит на органы расследования дополнительные обязанности. Сам по себе отказ подозреваемого, обвиняемого от данной меры пресечения является косвенным свидетельством наличия у него намерений скрыться от следствия и суда, а значит, и основанием для применения меры пресечения, связанной с ограничением свободы, т. е. заключения под стражу.

Применение таких мер пресечения, как личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым и наблюдение командования воинской части, в сущности, также основано на внутреннем убеждении лица выполнять возложенные на него уголовно-процессуальным законом ограничения (обременения) в виде обязательства о явке и не препятствия расследованию. Наличие поручителя, лица, осуществляющего присмотр, или командира можно рассматривать лишь как дополнительный сдерживающий фактор, который будет иметь силу при намерении подозреваемого, обвиняемого добровольно исполнять возложенные на него ограничения и не скрываться от следствия и суда. Замена их подпиской о невыезде на практике видится более предпочтительной, поскольку, с одной стороны, снимает со следователя (дознателя) обязанность оценивать данные о личности поручителя или лица, осуществляющего присмотр, а с другой стороны, позволяет ограничить передвижение подозреваемого (обвиняемого) пределами населенного пункта, в котором он проживает или несет службу. По сути, применение подписки о невыезде вместо указанных мер пресечения

обеспечивает аналогичный результат. Наблюдение командования воинской части как мера пресечения в современном мире утратила свою актуальность, поскольку переход на контрактную систему сделал невозможным реализацию данной меры пресечения в связи с проживанием военнослужащих за пределами воинской части [17]. В пользу вывода о целесообразности исключения из числа мер пресечения личного поручительства, присмотра за несовершеннолетним обвиняемым и наблюдения командования воинской части говорит и статистика их применения. Проведенный анализ судебно-следственной практики и опрос практических работников показал, что в отношении несовершеннолетних вместо присмотра, как правило, избирается подписка о невыезде, что законом не запрещается [4; 18].

В 2018 году в число мер пресечения был включен «запрет определенных действий» (ст. 105.1 УПК РФ). Запрет определенных действий представляет собой набор ограничений (обременений): запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; управлять автомобилем или иным транспортным средством. В сущности, законодателем впервые введена возможность рассматривать новую меру пресечения в качестве не только основной, но и дополнительной. Применение указанных ограничений логично наряду с подпиской о невыезде [6]. Однако действующий уголовно-процессуальный закон не позволяет применять одновременно несколько мер пресечения, что существенно снижает эффективность применения запрета определенных действий. Изложенное позволяет прийти к выводу о нецелесообразности закрепления в качестве самостоятельных мер пресечения личного поручительства, присмотра за несовершеннолетним, наблюдения командования воинской части, запрета определенных действий. Указанные меры могут выступать в качестве дополнения к подписке о невыезде.

Применение мер пресечения, альтернативных заключению под стражу

Применение заключения под стражу возможно в исключительных случаях, когда без ограничения свободы подозреваемого, обвиняемого невозможно обеспечить надлежащее ведение уголовного судопроизводства. Заключение под стражу традиционно относится к наиболее часто избираемой мере пресечения. Во многом это обусловлено ее эффективностью с точки зрения лица, производящего расследование. Так, в 2020 году, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, заключение под стражу как мера пресечения была избрана в отношении 84 919 человек. Из числа заявленных ходатайств о заключении под стражу было удовлетворено 89 %.

Вместе с тем в теории и практике остро стоит проблема избыточного применения данной меры пресечения, в связи с чем стали предприниматься попытки ограничить ее применение, в том числе и путем замены

более мягкой мерой. Верховный суд РФ рекомендовал нижестоящим судам по возможности заменять заключение под стражу иными мерами пресечения, в том числе домашним арестом и залогом (Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41).

Заметим, что залог как мера пресечения изначально задумывался законодателем в качестве альтернативы заключению под стражу, однако таковой не стал. Между тем именно путем расширения практики применения залога (в сочетании с другими мерами правоограничения, не связанными с лишением свободы) можно кардинально изменить стандарт применения мер пресечения [7]. В целом практика применения залога крайне ограничена. Так, в 2020 году, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, залог был применен всего 244 раза.

До недавнего времени и домашний арест как мера пресечения применялся крайне редко, что во многом было обусловлено отсутствием технических возможностей осуществлять контроль за лицом, подвергнутым домашнему аресту [19]. Однако в настоящее время правоприменительная практика существенно изменилась [20]. Как следует из Отчета о работе судов Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2010 году домашний арест был применен 668 раз, а в 2020 году – 6 949, т. е. в 10 раз чаще. В целом статистика свидетельствует о наличии проблем как в правовом регулировании, так и в применении залога и домашнего ареста как мер пресечения. По сравнению с заключением под стражу данные меры избираются крайне редко, в том числе по причине их неэффективности, что является еще одним свидетельством необходимости реформирования системы мер пресечения.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проблема совершенствования системы мер пресечения давно обсуждается в юридической литературе. Законодателем предпринимаются точечные попытки реформирования системы мер пресечения, в частности путем внесения изменений в правовое регулирование домашнего ареста и включения в число мер пресечения запрета определенных действий. Однако отдельные несистемные изменения в правовом регулировании мер пресечения не способны разрешить назревшие противоречия, в связи с чем некоторыми процессуалистами предлагаются кардинальные изменения системы мер пресечения. Так, с учетом общей обеспечительной направленности мер пресечения отдельные ученые предлагают кардинально изменить модель принудительного процессуального воздействия на подозреваемого, обвиняемого, включив в нее меры трех уровней: основные ограничения, дополнительные ограничения и обязательства, способы обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств [1].

В качестве основных ограничений рассматриваются ограничение выезда за пределы РФ; ограничение свободы передвижения из населенного пункта по месту регистрации, жительства или нахождения подозреваемого, обвиняемого; домашний арест; заключение под стражу. К числу дополнительных ограничений автор относит наложение ареста на имущество; временное отстранение от должности; временное изъятие доку-

ментов, удостоверяющих право на определенную деятельность; временное изъятие паспорта и других документов, которые дают право на въезд и выезд из страны. К числу дополнительных обязательств, по его мнению, могут быть отнесены такие обязательства, как воздержание от совершения новых преступлений, обязанность не чинить препятствия в расследовании, выполнять требования о явке в органы расследования и суд, проходить лечение, трудоустроиться, носить средства контроля и др. Исполнение описанных ограничений и обязательств согласно концепции обеспечивается такими способами, как личное обязательство, поручительство, залог, контроль органов и должностных лиц и др. [1]

Несмотря на инновационность изложенной концепции в целом, следует признать, что ее реализация требует кардинального изменения и реформирования уголовно-процессуального законодательства в части регламентации мер принуждения. Такие изменения вряд ли будут обоснованы, поскольку потребуют перестройки правового регулирования всего порядка избрания и применения мер принуждения в уголовном процессе.

В этом смысле более предпочтительным представляется предложение переструктурировать систему мер пресечения путем сохранения в качестве мер пресечения только двух мер: подписки о невыезде и заключения под стражу. Такие же меры, как личное поручительство, обязательство о явке, присмотр за несовершеннолетним, наблюдение командования воинской части, запрет определенных действий, не могут рассматриваться в качестве самостоятельных мер пресечения, поскольку представляют собой дополнительные обременения, которые возлагаются на подозреваемого или обвиняемого в каждом конкретном случае при наличии возможности не применять к нему заключение под стражу и его добровольном согласии исполнять возложенные на него обязанности. Залог и домашний арест также нельзя рассматривать в качестве самостоятельных мер пресечения, поскольку их применение возможно только в качестве альтернативы заключению под стражу при наличии обстоятельств, делающих применение заключения под стражу невозможным [2]. Такая позиция во многом обусловлена и практикой применения мер пресечения. Фактически органы предварительного расследования применяют лишь две меры пресечения: подписку о невыезде и заключение под стражу.

В полной мере согласиться с изложенной точкой зрения невозможно. Залог и домашний арест хоть и рассматриваются законодателем как альтернативные заключению под стражу меры пресечения, но тем не менее являются самостоятельными мерами. Залог и домашний арест заключаются в создании самостоятельных, отличных от других мер пресечения, ограничений, направленных на обеспечение соблюдения подозреваемым или обвиняемым возложенных на него обязанностей. При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста. Подозреваемый или обвиняемый вправе ходатайствовать о применении к нему мер пресечения в виде залога или домашнего

ареста. Таким образом, на наш взгляд, перечень мер пресечения не может ограничиваться двумя мерами (подписка о невыезде и заключение под стражу) – в систему мер пресечения также должны быть включены залог и домашний арест.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение системы мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации позволило сформировать вывод о недостаточной эффективности их применения, что выражается в преимущественном выборе лишь двух мер пресечения: подписки о невыезде и заключении под стражу – и отказе от применения иных мер пресечения в силу их неэффективности или недостаточности технических возможностей для их применения. Включение в число мер пресечения новых мер (запрета определенных действий) свидетельствует о попытках законодателя реформировать систему, однако этого пока недостаточно.

Реформирование системы мер пресечения требует комплексного подхода, в связи с чем могут быть сформулированы следующие предложения:

1) дополнить ст. 5 УПК РФ п. 14.2, изложив его в следующей редакции: «Меры пресечения – вид мер уголовно-процессуального принуждения, применяемый уполномоченным должностным лицом к подозреваемому или обвиняемому и состоящий в ограничении их личных и имущественных прав и свобод в целях обеспечения должного поведения в ходе всего уголовного судопроизводства»;

2) внести изменения в ст. 98 УПК РФ, закрепив в качестве мер пресечения подписку о невыезде, залог, домашний арест, заключение под стражу;

3) внести изменения в ст. 97 УПК РФ, допустив возможность установления наряду с мерой пресечения дополнительных ограничений в виде: личного поручительства, обязательства о явке, присмотра за несовершеннолетним, наблюдения командования воинской части, запрета определенных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Муравьев К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД. 2017. № 2. С. 139–148.
- Лазарева В.А., Вершинина С.И. Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства как фактор, обуславливающий содержание и состав системы мер пресечения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 1. С. 17–25.
- Рудич В.В. Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск: Томский государственный университет, 2018. С. 138–151.
- Зиннуров Ф.К., Шайдулина Э.Д. Правоприменительные аспекты избрания присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в качестве меры пресечения в ходе предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 196–201.
- Яковлева С.А., Кутянина А.С. Уголовно-процессуальное регулирование избрания и применения подписки о невыезде и надлежащем поведении // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2018. Т. 4. № 4. С. 100–110.
- Ендольцева А.В. Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 64–67.
- Румянцева М.О. Перспективы реализации меры пресечения в виде запрета определенных действий // Журнал прикладных исследований. 2021. Т. 3. № 2. С. 87–91.
- Рябинина Т.К., Чеботарева И.Н. Заключение под стражу: причины и следствия необходимости введения альтернативных мер пресечения в уголовном процессе России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3. С. 151–156.
- Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 115–125.
- Смирнова О.В., Янин М.Г. Определение понятия «меры пресечения» в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. № 2. С. 35–38.
- Шаров Д.В. Цели применения мер пресечения: взгляд адвоката // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 72–75.
- Рудич В.В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения – мер пресечения // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 3. С. 25–31.
- Куликов М.А. Основания применения мер пресечения в России и зарубежных государствах // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 147–151.
- Цоколова О.И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019–2022 годы) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 26–31.
- Орлов А.В. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3. С. 48–51.
- Барабаш А.С. Подписка о невыезде и другие меры пресечения, избрание которых не требует решения суда // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 110–124.
- Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М.: Юрлитинформ, 2017. 368 с.
- Татьянина Л.Г., Мухаметгалеева С.Х. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в процессе предварительного расследования // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. № 6. С. 869–874.
- Рябков Е.М. К вопросу о сложности процедуры и реальности домашнего ареста как меры пресечения //

Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 211–217.

20. Соловьев И.Н. Проблемные вопросы исполнения домашнего ареста // Российский следователь. 2017. № 13. С. 11–14.

REFERENCES

- Muravev K.V. Optimization of legislation on preventive measures. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD*, 2017, no. 2, pp. 139–148.
- Lazareva V.A., Vershinina S.I. The procedural status of the participants in criminal proceedings as a factor determining the content and composition of the preventive measures system. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 1, pp. 17–25.
- Rudich V.V. Prospects for changing the existing model of the restraint measure application mechanism in the context of transition to an adversarial system of criminal proceedings. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sbornik statey*. Tomsk, Tomskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2018, pp. 138–151.
- Zinnurov F.K., Shaydullina E.D. Law enforcement aspects of the choice of supervision for a juvenile suspect or accused as a preventive measure during a preliminary investigation. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 196–201.
- Yakovleva S.A., Kutyanina A.S. Criminal procedural regulation of the election and application of measures of restraint in the form of recognizance not to leave and proper behavior. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 100–110.
- Endoltseva A.V. The prohibitions imposed on the suspect or the accused as a preventive measure: debatable question. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 1, pp. 64–67.
- Rumyantseva M.O. Prospects for the implementation of a preventive measure in the form of a ban on certain actions. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*, 2021, vol. 3, no. 2, pp. 87–91.
- Ryabinina T.K., Chebotareva I.N. Detention: causes and consequences of the need to introduce alternative preventive measures in the criminal process of Russia. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2019, no. 4, pp. 211–217.
- Solovev I.N. Problematic issues of execution of house arrest. *Rossiyskiy sledovatel*, 2017, no. 13, pp. 11–14.
- rodskey akademii MVD Rossii, 2019, no. 3, pp. 151–156.
- Vershinina S.I. Improvement of the pre-trial restrictions institute prescribed by chapter 13 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 6, pp. 115–125.
- Smirnova O.V., Yanin M.G. The definition of “measure of restriction” in the criminal process. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 35–38.
- Sharov D.V. The purpose of the application of preventive measures: the opinion of a lawyer (theses). *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 1, pp. 72–75.
- Rudich V.V. On the modern system of measures of criminal procedural coercion - preventive measures. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 3, pp. 25–31.
- Kulikov M.A. Bases of application of preventive measures in Russia and in foreign states. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 2, pp. 147–151.
- Tsokolova O.I. Preventive measures: issues and tendencies (2019 to 2022). *Rossiyskiy sledovatel*, 2020, no. 6, pp. 26–31.
- Orlov A.V. Actual problems of house arrest in the context of new preventive measure prohibiting certain actions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2018, no. 3, pp. 48–51.
- Barabash A.S. A recognizance not to leave and others measures of restraint, the imposition of which doesn't require a court decision. *Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal*, 2017, no. 1, pp. 110–124.
- Vershinina S.I. *Normativno-pravovaya sushchnost ugovolno-protsessualnogo prinuzhdeniya* [Normative-legal essence of criminal procedural coercion]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 368 p.
- Tatyanina L.G., Mukhametgalieva S.Kh. Application of preventive measures against a minor suspect or accused during the preliminary investigation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2020, vol. 30, no. 6, pp. 869–874.
- Ryabkov E.M. On the complexity of the procedure and the reality of house arrest as a preventive measure. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2019, no. 4, pp. 211–217.
- Solovev I.N. Problematic issues of execution of house arrest. *Rossiyskiy sledovatel*, 2017, no. 13, pp. 11–14.

REVISITING THE SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

© 2022

Yu.O. Meshcheryakova, PhD (Law),

assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

A.R. Takhautdinova, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

T.V. Mychak, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: preventive measures; criminal procedure; detention; house arrest; grounds for pretrial detention application; system of preventive measures.

Abstract: Preventive measures in the criminal procedure are the most stringent enforcement actions aimed at limiting constitutional human and civil rights and liberties, which causes greater attention to the issues of their legal regulation and application feasibility. The authors consider the concept and purposes of the preventive measures in the criminal procedure, analyze the preventive measures system, identify the tendencies to its amendment, and conclude on the necessity to

reform the system of preventive measures in the criminal procedure. During the study, the authors analyzed the statements of Chapter 13 of the RF Criminal Procedure Code, as well as the contemporary scientific approaches to the understanding of the system and purposes of preventive measures in the criminal procedure. Following the results of the research and taking into account the study of law enforcement practice, the authors concluded that the preventive measures system is insufficient, which is expressed in the actual application of two measures of restraint only: a recognizance not to leave and detention, and in refusal to apply other restrictive measures due to their ineffectiveness or lack of technical feasibility for their application. The analysis of legislation in terms of regulating the procedure for the application of the preventive measures allowed formulating several proposals for improving the norms of the criminal procedure legislation of the Russian Federation aimed at increasing the efficiency of their application: to enshrine the definition of preventive measures in the RF Criminal Procedure Code; to expand the list of restrictions when applying preventive measures not related to the limitation of the freedom; to exclude personal surety, supervision of an accused minor, observation of the military unit command, and the restraining order from the list of preventive measures.

НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ

© 2022

В.Ю. Моисеева, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
А.В. Моисеев, кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: налог; специальный налоговый режим; налог на профессиональный доход; специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»; самозанятый; индивидуальный предприниматель; предпринимательская деятельность; федеральный закон № 422-ФЗ.

Аннотация: Введенный в 2019 году в качестве эксперимента новый специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» неоднозначно оценивается учеными, одни из которых его критикуют, другие, напротив, признают необходимым. Чуть более чем двухлетний опыт действия данного налогового режима выявил как положительные результаты, так и ряд проблем. Цель исследования – проведение правового анализа налога на профессиональный доход как специального налогового режима, выявление недостатков и предложений путей их устранения. Рассмотрена специфика налогового режима «Налог на профессиональный доход», исследована его природа, выявлены достоинства и недостатки. Установлено, что стимулирование легализации и появления новых субъектов хозяйствования осуществляется посредством использования специальным налоговым режимом наравне с льготным налогообложением упрощенного порядка налогового администрирования. Особое внимание уделено проблеме определения понятия «самозанятый», которое легально не закреплено. Проведен анализ федерального закона № 422-ФЗ на предмет правовых коллизий с другими федеральными законами, предложены пути устранения этих коллизий. Рассмотрены законопроекты, предлагающие внести некоторые изменения в действующий федеральный закон № 422-ФЗ в части предоставления субъектам Российской Федерации права самостоятельно снижать налоговую ставку налога на профессиональный доход, а также установления минимальной суммы налога в случае отсутствия дохода. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что новый специальный налоговый режим, несмотря на некоторые недостатки и несовершенства действующего законодательства в части его регулирования, способен обеспечить баланс частных и публичных интересов с целью пополнения бюджета посредством перевода деятельности самозанятых в правовое поле.

ВВЕДЕНИЕ

Деятельность граждан, осуществляющих предпринимательскую или другую экономическую деятельность без надлежащего юридического оформления, т. е. без легализации, является одной из составляющих теневое сектора экономики. Если обратиться к статистическим данным, то можно увидеть, что по состоянию на 2018 год объем теневой экономики составлял более 20 трлн руб., т. е. более 20 % ВВП¹.

В 2019 году введенный федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» (далее – федеральный закон № 422-ФЗ) новый налоговый режим имел своей целью решить проблемы, сдерживающие легализацию самозанятых граждан и перевод их деятельности в правовое поле, а результатом должно было стать пополнение бюджета за счет дохода от такой деятельности².

¹ Эффективность экономики России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186>.

² Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)».

По состоянию на 1 января 2021 года в качестве самозанятых было зарегистрировано 1,6 млн человек, а на 1 июля 2021 года – 2,5 млн человек³. При этом удельный вес самозанятых в общем количестве хозяйствующих субъектов составляет 18,8 %⁴. Сумма уплаченного налога на профессиональный доход (далее – НПД) по состоянию на 1 января 2021 года составила 4 959 млн руб.⁵, а на 1 сентября 2021 года – уже 17 167 млн руб.⁶.

URL: <https://sznzd.ru/wp-content/uploads/2019/10/153272241-153272741.pdf>.

³ Заключение Счетной палаты РФ от 21.07.2021 г. № ЗСП-167/03-01 «На проект федерального закона № 1192824-7 «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»».

⁴ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ налогового потенциала консолидированных бюджетов отдельных дотационных регионов Российской Федерации, в том числе осуществление мероприятий по оценке эффективности налоговых расходов в 2018–2020 годах и истекшем периоде 2021 года» // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/checks/schetnaya-palata-predlozhi-la-mery-po-raskrytiu-nalogovogo-potentsiala-rossiyskikh-regionov>.

⁵ Итоги деятельности ФНС России в 2020 году // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn63/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/#131.

Вопросы применения нового налогового режима, исследование его достоинств и недостатков являются предметом исследования множества научных работ. К числу недостатков относят ограничение максимальной суммы дохода [1], установление запрета на совмещение различных налоговых режимов [2] и использование труда наемных работников [3]. При этом в доктрине сложилось в целом неоднозначное отношение к введению налогового режима НПД ввиду отсутствия законодательного закрепления понятия «самозанятый» [4; 5]. Ученые выявляют проблемы экономического характера, вызванные введением данного налогового режима, обусловленные слабой приспособленностью российского законодательства к развитию сетевых технологий и переходу значительной части экономических отношений в электронную среду [7; 8]. Много вопросов вызывает правовая природа НПД, цель которого противоречит правовой природе налога, имеющего фискальную, а не регулируемую, как в данном случае, функцию [3; 9]. Однако другие ученые отстаивают фискальную природу исследуемого налога, введение которого должно привести к значительному пополнению бюджетной системы государства [1]. Предметом научных споров является правовой статус самозанятых, который легально не определен [10], а также правовая природа осуществляемой ими деятельности, направленной на систематическое получение прибыли и основанной на риске [11; 12]. Выявляются возможные пути злоупотребления льготным механизмом данного налогового режима и предлагаются меры по предотвращению такого злоупотребления.

Действительно, двухлетний опыт действия налогового режима НПД выявил, наряду с положительными результатами его введения, и ряд отрицательных и негативных явлений, некоторые законодательные недоработки и коллизии. Все это обуславливает актуальность и необходимость исследования данного налогового режима.

Цель исследования – правовой анализ НПД как специального режима налогообложения, выявление недостатков и предложение путей их устранения.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использованы методы динамического, факторного и системного анализа, которые позволили выявить элементы единства, взаимодействия и противоречий, возникающих в процессе применения специального налогового режима НПД, составляющего предмет исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В действующей редакции федерального закона от 27 ноября 2018 года № 425-ФЗ ст. 18 Налогового кодекса Российской Федерации предусматривает пять видов специальных налоговых режимов, одним из которых назван НПД.

⁶ *Итоги деятельности ФНС России в январе-августе 2021 года // Федеральная налоговая служба: официальный сайт.* URL: https://www.nalog.gov.ru/rn63/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/#t31.

Специфика НПД проявляется прежде всего в его правовой природе как специального налогового режима. В доктрине специальный налоговый режим рассматривается как специфическое проявление системы налогообложения, особый порядок регулирования взимания отдельных налогов и сборов, как «видоизменение общего порядка возникновения, исполнения и прекращения лицом своих налоговых обязанностей» [14, с. 68]. В целом же следует согласиться, что специальные налоговые режимы направлены на обеспечение баланса частных и публичных интересов в налоговой сфере [15]. Действительно, именно баланс частных и публичных интересов наиболее четко проявляется в НПД. Выше уже обращалось внимание на дискуссионность НПД, цель введения которого не является фискальной, что противоречит самой правовой природе налога [9]. Кроме того, в доктрине рассматриваемый специальный налоговый режим критикуют за то, что его введение подменило принцип обязательности исполнения налоговой обязанности добровольностью, а также за то, что он нацелен на решение проблем теневой экономики, тогда как его основное назначение – снижение проблемы легализации [3]. Однако представляется, что главным принципом НПД, как и любого другого налога, является фискальный принцип, означающий поступление средств государству для удовлетворения общественных затрат и пополнения бюджета. В пояснительной записке к проекту федерального закона № 551845-7 было отмечено, что данный налоговый режим призван, с одной стороны, решить проблемы, сдерживающие легализацию самозанятых граждан и перевод их деятельности в правовое поле, а с другой – пополнить бюджет за счет дохода от такой деятельности⁷. При этом легализация деятельности самозанятых граждан предполагается посредством создания для них наиболее привлекательного режима налогообложения, построенного на принципах простоты и удобства ведения предпринимательской деятельности⁸.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Переходя к характеристике специального налогового режима НПД, следует выделить плюсы в его применении:

- осуществление деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;
- упрощенный порядок уведомления налогового органа о применении данного налогового режима;

⁷ *Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)».* URL: <https://snpd.ru/wp-content/uploads/2019/10/153272241-153272741.pdf>.

⁸ *Письмо Минфина России от 09.08.2021 г. № 03-11/11/63798 «О выборе налоговых режимов субъектами малого предпринимательства и особенностях применения НПД // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.* URL: <https://docs.cntd.ru/document/544409107>.

- отсутствие необходимости предоставлять налоговую отчетность;
- освобождение от обязанности использовать контрольно-кассовую технику;
- взаимодействие с контролирующими органами посредством мобильного приложения «Мой налог»;
- автоматический подсчет подлежащей к уплате суммы налога;
- неисчисление НПД при отсутствии дохода от реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг);
- низкие налоговые ставки: 4 % с доходов, полученных от физических лиц, и 6 % с доходов, полученных от юридических лиц;
- возможность применять налоговый вычет в сумме, не превышающей 10 000 руб.;
- возможность совмещения с работой по трудовому договору;
- освобождение физических лиц от налога на доходы физических лиц, а индивидуальных предпринимателей – от налога на добавленную стоимость;
- возможность воспользоваться правом на поддержку, предоставляемую субъектам малого и среднего предпринимательства в соответствии с ч. 1 ст. 14.1, ч. 4 ст. 27 федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Как можно заметить, стимулирование легализации и появления новых субъектов хозяйственной деятельности осуществляется посредством не только льготного налогообложения, но и упрощенного порядка налогового администрирования.

Однако, несмотря на все указанные достоинства, исследуемый специальный налоговый режим не лишен недостатков, среди которых можно отметить следующие:

- превышение ежегодной суммы дохода самозанятого 2,4 млн руб. является основанием для применения в отношении него других систем налогообложения;
- запрещено совмещение других налоговых режимов со специальным налоговым режимом НПД;
- запрещено использование наемного труда, что особенно ощутимо для индивидуальных предпринимателей;
- запрещено уменьшение полученных доходов на расходы при исчислении налоговой базы;
- время работы в качестве самозанятого не засчитывается в страховой стаж в случае неуплаты соответствующих взносов в Пенсионный фонд РФ, так как внесение таких взносов является добровольным (п. 11 ст. 2 федерального закона № 422-ФЗ).

Не отличается совершенством и федеральный закон № 422-ФЗ. Прежде всего, следует отметить неопределенность правового статуса самозанятого, являющегося субъектом НПД, особенности которого кроются в определении и природе его деятельности. Так, в федеральном законе № 422-ФЗ термин «самозанятый» не используется. В правоприменительной деятельности под таковыми понимают физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, к которым применяется специальный налоговый режим НПД. Данный подход следует из ч. 1 ст. 4 федерального закона № 422-ФЗ, в соответствии с которой самозанятыми признаются налогоплательщики НПД. Далее в ч. 2 этой

же статьи приведен список лиц, к которым данный режим не может быть применен.

Отсутствует единый подход к определению самозанятых и в судебной практике⁹. В доктрине ученые под самозанятыми понимают лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, из числа физических лиц, индивидуальных предпринимателей и лиц, занимающихся частной практикой [16–18]. Соглашаясь с таким пониманием самозанятого, следует добавить к определению указание на то, что необходимо исключить лиц, указанных в ч. 2 ст. 4 федерального закона № 422-ФЗ и не обладающих правом применять специальный налоговый режим НПД.

Что касается вопроса о природе деятельности самозанятого, то в контексте федерального закона № 422-ФЗ такая деятельность не является предпринимательской, которую в соответствии с нормами действующего гражданского законодательства могут осуществлять лица, как зарегистрированные в установленном законом порядке (ст. 2 ГК РФ), так и без такой регистрации в отношении отдельных видов деятельности, перечень которых установлен законом (ст. 23 ГК РФ). Однако в п. 7 ст. 2 федерального закона № 422-ФЗ сформулировано понятие профессионального дохода, из которого можно выделить следующие признаки деятельности самозанятого: отсутствует работодатель; не могут привлекаться наемные работники по трудовым договорам; деятельность, приносящая доход в результате использования имущества.

Изложенное позволяет говорить о рассогласованности разноотраслевых правовых норм, регулирующих деятельность самозанятых, которую федеральный закон № 422-ФЗ предпринимательской не признает [19]. Однако в процессе действия указанного федерального закона правовой статус самозанятого, являющегося налогоплательщиком НПД, трансформируется в самостоятельную

⁹ *Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 г. № 1144-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сапсалева Ивана Кузьмича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части первой статьи 2 и части седьмой статьи 12 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/DocumentView/0001201606200001#:~:text=Определение%20Конституционного%20Суда%20Российской%20Федерации,законодательства%20Российской%20Федерации%20о%20нотариате;>*

Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 г. № 1200-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смолика Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 5 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: [https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13052019-n-1200-o/;](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13052019-n-1200-o/)

Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 1516-О об отказе в принятии жалобы гражданина Лосева Виталия Васильевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: [https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25062019-n-1516-o/.](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25062019-n-1516-o/)

форму ведения экономической деятельности, конкурирующую с индивидуальным предпринимательством. Решить данный вопрос возможно посредством легального определения деятельности самозанятых как предпринимательской или иной экономической деятельности.

Еще одна правовая коллизия федерального закона № 422-ФЗ возникла с федеральными законами «О противодействии коррупции» и «О муниципальной службе в Российской Федерации», запрещающими заниматься предпринимательской деятельностью государственным и муниципальным служащим. Однако федеральный закон № 422-ФЗ допускает осуществление данными лицами деятельности по сдаче жилых помещений в аренду (п. 4 ч. 2 ст. 6). Рассматриваемую проблему следует решить посредством распространения на отношения, возникающие при сдаче публичными должностными лицами жилья в аренду, механизма передачи ценных бумаг в доверительное управление в соответствии с гл. 53 ГК РФ, а также исключить из федерального закона № 422-ФЗ п. 4 ч. 2 ст. 6 [20].

Кроме правовых коллизий, рассматриваемый специальный налоговый режим вместе с минимизацией налоговых платежей сократил поступления в бюджетную сферу. Так, по данным Счетной палаты РФ, сумма перечисленных налогов уменьшилась в 1,6 раза и составила 53 896,1 тыс. руб. Кроме того, значительно (в 7 раз) уменьшилась сумма налогов, уплаченных индивидуальными предпринимателями, перешедшими с единого налога на вмененный доход на НПД, перечисленных в бюджеты отдельных субъектов РФ¹⁰.

С целью решения вопроса, связанного с популяризацией специального налогового режима НПД и, как следствие, увеличением налоговых поступлений в бюджет государства, группа депутатов Государственной думы РФ внесла на рассмотрение законопроект № 1192824-7 о внесении изменений в ст. 10 федерального закона № 422-ФЗ, предоставляющий субъектам РФ право снижать налоговую ставку НПД на 2 % в отношении доходов, полученных от реализации товаров (работ, услуг), физическим лицам, индивидуальным предпринимателям (для использования при осуществлении предпринимательской деятельности) и юридическим лицам. Однако данный законопроект не был поддержан ни Правительством РФ, ни Счетной палатой РФ¹¹. В частности, в соответствующих заключениях на законопроект № 1192824-7 было обращено внимание на указанные выше потери от введения НПД. Кроме того, в настоящее время ставки НПД в сравнении со ставками налога на доходы физических лиц (13 %) и упрощенной системы налогообложения (6 и 15 %) наиболее

предпочтительны, и их дальнейшее снижение нецелесообразно.

Кроме того, сложно согласиться и с предложением установить для самозанятых обязанность уплаты минимальной суммы НПД в случае отсутствия дохода¹². Во-первых, несмотря на то, что 38,1 % налогоплательщиков НПД не заявили свои доходы, в бюджеты субъектов РФ в 2019 году было перечислено дополнительно 420 млн руб., поскольку 105 700 человек заявили о доходах, о которых ранее не заявляли¹³. Во-вторых, установление уплаты минимальной суммы налога противоречит самой концепции специального налогового режима НПД и создаст препятствия к легализации гражданами своих доходов.

Таким образом, несмотря на критику специального налогового режима некоторыми учеными и существующие коллизии правового регулирования, в настоящее время уже есть результаты реализации этого режима. Прежде всего, увеличилось число физических лиц, вышедших «из тени», т. е. легализовавшихся и осуществляющих деятельность в правовом поле. Растет сумма налоговых поступлений от НПД.

Введение специального налогового режима НПД позволяет, с одной стороны, обеспечить баланс частных и публичных интересов посредством перевода деятельности самозанятых граждан в правовое поле, а с другой – пополнить бюджет за счет налоговых отчислений от дохода их деятельности. Все это достигается с помощью как льготного налогообложения, так и упрощенно порядка налогового администрирования.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, с целью совершенствования правового регулирования специального налогового режима НПД целесообразно:

- легально определить понятие самозанятого лица как налогоплательщика НПД, указав вид осуществляемой им деятельности (предпринимательская или другая экономическая деятельность);
- исключить из ч. 2 ст. 6 федерального закона № 422-ФЗ п. 4, что устранил правовую коллизию между данным законом и федеральными законами «О противодействии коррупции» и «О муниципальной службе в Российской Федерации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жутаев А.С. Налог на профессиональный доход: достоинства и недостатки, первые итоги // *Налоги*. 2020. № 2. С. 7–8.

¹⁰ Заключение Счетной палаты РФ от 21.07.2021 г. № ЗСП-167/03-01 «На проект федерального закона № 1192824-7 «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»».

¹¹ Проект Федерального закона № 1192824-7 «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.06.2021) // СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1192824-7>.

¹² Письмо Минфина России от 26.08.2021 г. № 03-04-03/68884 О предложениях по изменению законодательства в части НДФЛ, НПД и страховых взносов в отношении трудовых мигрантов // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cnd.ru/document/544409279>.

¹³ Заключение Счетной палаты РФ от 21.07.2021 г. № ЗСП-167/03-01 «На проект федерального закона № 1192824-7 «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»».

2. Митрахович А. Самозанятость и способы минимизации налогообложения // Трудовое право. 2020. № 11. С. 5–12.
3. Напсо М.Д., Напсо М.Б. Налог на профессиональный доход: к вопросу о соответствии принципам налогообложения // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 132–145.
4. Бакаева О.Ю. Перспективы правового регулирования налогообложения самозанятых граждан // Налоги. 2018. № 5. С. 3–6.
5. Ручкина Г.Ф. К вопросу о совершенствовании правового регулирования деятельности самозанятых граждан в Российской Федерации // Налоги. 2020. № 1. С. 42–46.
6. Черных Н.В. Труд самозанятых – новая ли форма нетипичной занятости? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12. С. 98–108.
7. Мастеров А.И. Проблемы налогообложения самозанятых граждан в России и пути их решения // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 8. С. 1781–1798.
8. Бабайцева Е.А. Гражданско-правовая природа самозанятости граждан // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 1. С. 206–209.
9. Коняхин Н.Я. Налог на профессиональный доход самозанятых: первые судебные споры // Бухгалтерский учет. 2021. № 5. С. 126–129.
10. Ермолова О.Н. Самозанятые как субъекты предпринимательской деятельности: проблемы определения статуса // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России. В 4 т. Т. 1. М.: Проспект, 2020. С. 267–273.
11. Миронова С.М., Стеценко Е.Я. Налогообложение самозанятых лиц (некоторые вопросы применения налога на профессиональный доход) // Право и экономика. 2019. № 9. С. 74–79.
12. Ершова И.В., Трофимова Е.В. Самозанятость: к вопросу о правовой квалификации // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России. В 4 т. Т. 1. М.: Проспект, 2020. С. 78–85.
13. Лунева Е.В., Погодина О.Н., Матвеев П.А., Толстова И.А. Проблемы обоснования в рамках проведения налоговых проверок сотрудничества налогоплательщика с самозанятым лицом // Юрист. 2021. № 12. С. 23–26.
14. Ногина О.А. О понятии и признаках специального налогового режима // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11. С. 68–73.
15. Копина А.А. Специальные и льготные налоговые режимы как способы существенного стимулирования цифровых инноваций // Финансовое право. 2020. № 9. С. 25–30.
16. Бурлак А.В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 173–177.
17. Долинская В.В., Долинская Л.М. Проблемы правового статуса самозанятых // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 113–129.
18. Малинина Л.Ю. Самозанятые граждане: понятие и правовое регулирование // Юрист. 2021. № 3. С. 37–43.
19. Шапсугова М.Д. О влиянии неопределенности материально-правового статуса самозанятого на неопределенность его процессуального статуса // Право и экономика. 2021. № 3. С. 5–9.
20. Савинов К.А., Лаврентьев А.Р. Налог на профессиональный доход: первые итоги двухлетнего эксперимента // Финансовое право. 2021. № 6. С. 26–30.

REFERENCES

1. Zhutaev A.S. The tax on professional income: advantages and shortcomings, first results. *Nalogi*, 2020, no. 2, pp. 7–8.
2. Mitrakhovich A. Self-employment and ways to minimize taxation. *Trudovoe pravo*, 2020, no. 11, pp. 5–12.
3. Napso M.D., Napso M.B. Tax on professional income: the issue of compliance with the taxation principles. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2020, no. 3, pp. 132–145.
4. Bakaeva O.Yu. Prospects of the legal regulation of taxation of self-employed citizens. *Nalogi*, 2018, no. 5, pp. 3–6.
5. Ruchkina G.F. On the issue of mastering legal regulation of the activity of self-employed citizens in the Russian Federation. *Nalogi*, 2020, no. 1, pp. 42–46.
6. Chernykh N.V. Self-employed labor - a new form of atypical employment? *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2021, vol. 16, no. 12, pp. 98–108.
7. Masterov A.I. Problems of taxation of self-employed persons in Russia and the ways of their solution. *Finansy i kredit*, 2018, vol. 24, no. 8, pp. 1781–1798.
8. Babaytseva E.A. Civil nature of self-employment of citizensof. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 2017, no. 1, pp. 206–209.
9. Konyakhin N.Ya. Self-employment tax: first judicial disputes. *Bukhgalterskiy uchet*, 2021, no. 5, pp. 126–129.
10. Ermolova O.N. Self-employed as business entities: problems of definition of status. *Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii*. Moscow, Prospekt Publ., 2020. Vol. 1, pp. 267–273.
11. Mironova S.M., Stetsenko E.Ya. Taxation of self-employed persons (some issues for the application of professional income tax). *Pravo i ekonomika*, 2019, no. 9, pp. 74–79.
12. Ershova I.V., Trofimova E.V. Self-employment: on the issue of legal qualifications abstract. *Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii*. Moscow, Prospekt Publ., 2020. Vol. 1, pp. 78–85.
13. Luneva E.V., Pogodina O.N., Matveev P.A., Tolstova I.A. Issues of justification of the cooperation between a taxpayer and a self-employed individual within the framework of tax audits. *Yurist*, 2021, no. 12, pp. 23–26.
14. Nogina O.A. The concept and characteristics of a special tax treatment. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 11, pp. 68–73.
15. Kopina A.A. Special and preferential tax treatments as means of substantial stimulation of digital innovations. *Finansovoe pravo*, 2020, no. 9, pp. 25–30.
16. Burlak A.V. To a question about the concept of “self-employed citizens”. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2016, no. 4, pp. 173–177.
17. Dolinskaya V.V., Dolinskaya L.M. The issues of the legal status of self-employed. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, 2018, no. 1, pp. 113–129.

18. Malinina L.Yu. Self-employed citizens: the concept and the legal regulation. *Yurist*, 2021, no. 3, pp. 37–43.
19. Shapsugova M.D. Regarding the influence of uncertainty of the substantive status of the self-employed on the uncertainty of their procedural status. *Pravo i ekonomika*, 2021, no. 3, pp. 5–9.
20. Savinov K.A., Lavrentev A.R. Self-employed: the first results of a two-year experiment. *Finansovoe pravo*, 2021, no. 6, pp. 26–30.

EARNED INCOME TAX IN THE SYSTEM OF SPECIAL TAX REGIMES

© 2022

V.Yu. Moiseeva, PhD (Economics), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
A.V. Moiseev, PhD (Law), senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: tax; special tax regime; earned income tax; special tax regime “Earned Income Tax”; self-employed; individual entrepreneur; entrepreneurial activity; Federal law No. 422-FZ.

Abstract: Scientists ambiguously assess the new special tax regime “Earned Income Tax” introduced in 2019 as an experiment: some scientists criticize it, while others recognize it necessary. A little over two years of experience with this tax regime revealed positive results and some problems. The study aims to carry out a legal analysis of the earned income tax as a special tax regime, identify disadvantages and suggest ways to eliminate them. The authors considered the specifics of the tax regime “Earned Income Tax” to investigate its nature and identify its advantages and disadvantages. The study found that the legalization stimulation and the emergence of new business entities are carried out through the use of a special tax regime along with preferential taxation – a simplified procedure for tax administration. The authors paid particular attention to the problem of defining the concept of self-employed, which is not legally enshrined. The paper analyzes Federal law No. 422-FZ in terms of legal conflicts with other federal laws and suggests ways to eliminate them. The authors discuss bill drafts proposing to make some amendments to the current Federal law No. 422-FZ in terms of allowing the RF constituent entities to independently reduce the earned income tax rate, as well as establishing a minimum tax amount in the absence of income. The analysis allowed concluding that the new special tax regime, despite some disadvantages and imperfections of the current legislation in terms of its regulation, can ensure a balance of private and public interests to replenish the budget by transferring the activities of the self-employed to the legal field.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ Ч. 1 СТ. 144 УПК РФ НА СТАДИЮ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

© 2022

А.В. Мурузиди, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: ч. 1 ст. 144 УПК РФ; доследственная проверка; процессуальные действия; оперативно-розыскные действия; досудебное производство; стадия возбуждения уголовного дела; стадия предварительного расследования.

Аннотация: В 2013 году на основании федерального закона № 23-ФЗ в ч. 1 ст. 144 УПК РФ был внесен ряд изменений, а именно: разрешено производить целый ряд процессуальных, следственных и иных действий; разъяснять права участникам этих действий; считать полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения доказательствами. Эти изменения не только значительно повлияли на понимание самого начала возбуждения уголовного дела, но и породили существенные проблемы в собирании, проверке и оценке доказательств как структурных элементов процесса доказывания. Проведенное теоретическое исследование показало, что, закрепив право на проведение процессуальных, следственных и иных действий в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель упустил два очень существенных аспекта. Первый – отсутствие возможности проведения некоторых действий в порядке, установленном УПК РФ, так как порядок проведения таких действий, например получения объяснений, изъятия документов и предметов, никак УПК РФ не регламентирован. А те действия, проведение которых регламентировано УПК РФ (назначение судебных экспертиз, освидетельствование и ряд других), могут осуществляться только в рамках возбужденного уголовного дела. Второй – расширенные возможности органов следствия в стадии возбуждения уголовного дела «размыли» границу между стадией предварительного расследования и стадией возбуждения уголовного дела, сместив начало предварительного расследования на начало проверки сообщения о преступлении, фактически превратив стадию возбуждения уголовного дела в «суррогат расследования», проводимого вне установленных для расследования принципов уголовного процесса.

ВВЕДЕНИЕ

Задача стадии возбуждения уголовного дела – проверка поступившего сообщения о преступлении: заявления; явки с повинной; сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников; постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)). Перечисленное – повод для начала процессуальной деятельности. Как отмечено в юридической литературе, повод – это источник сведений о готовящемся или совершенном деянии, в котором могут содержаться признаки конкретного преступления [1; 2]. Наличие повода обязывает должностное лицо начать действия по рассмотрению поступившей информации. Повод – это формальная предпосылка для начала стадии возбуждения уголовного дела с четко обозначенными границами и исчислением сроков [2].

Для возбуждения уголовного дела одного повода недостаточно. Для расследования, начинающегося с вынесения постановления о возбуждении уголовного дела – серьезной процессуальной деятельности, имеющей принудительный характер, – необходимы достаточные основания – данные, указывающие на наличие признаков преступления. Под основаниями к возбуждению уголовного дела в уголовном процессе понимают обстоятельства, свидетельствующие о деянии, содержащем признаки преступления, а также об отсутствии данных, препятствующих возбуждению уголовного дела [3]. Должностное лицо, приняв и зарегистрировав в установленном законом порядке сообщение о преступлении (с этого

момента начинается стадия возбуждения уголовного дела), незамедлительно принимает меры к обнаружению признаков преступления.

Повод для возбуждения уголовного дела дает право должностным лицам начать производство определенных действий, в ходе которых могут быть выявлены основания для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Повод – понятие формальное, а основание – понятие содержательное.

Несмотря на важность стадии возбуждения уголовного дела, в ее задачу входит решение только одного вопроса: имеет ли смысл начинать расследование по полученному сообщению. Если признаки преступления очевидны, уголовное дело должно быть возбуждено без промедления, без предварительной проверки¹. В случае отсутствия такой очевидности проводится проверка [4]. Для возбуждения уголовного дела достаточно обоснованного предположения о факте совершения преступления и наличия признаков объективной стороны состава преступления [5].

Из-за многочисленных изменений, внесенных законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, особенно федерального закона № 23-ФЗ, среди ученых-правоведов и практикующих юристов обсуждается вопрос о целесообразности существования в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела. Имеется две точки зрения:

¹ V *Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. Утреннее заседание 13 марта. Доклад т. Вышинского по п. 5 повестки дня: «Вопросы уголовного процесса» // Ежегодник Советской юстиции. 1924. № 12/13. С. 279–281. URL: http://elibr.uraic.ru/bitstream/123456789/3400/1/sovetskaya_yustitsiya_1924_12-13.pdf.*

1. Стадию возбуждения уголовного дела следует оставить, так как это важный фильтр уголовно-процессуального механизма.

2. Стадию требуется исключить из уголовного судопроизводства.

Сторонники разных позиций приводят свои доводы и аргументы. Некоторые сторонники стадии возбуждения уголовного дела ссылаются на длительный эволюционный путь, который прошло отечественное уголовное-процессуальное законодательство. На историческую преемственность отечественного уголовного процесса указывали такие известные исследователи истории российского права, как А. Куницын² и Ф.Г. Эверс³. Из слов И.Я. Фойницкого о том, что уголовный процесс является результатом вековых наслоений, традиций, обычаев, правовых идей и культуры⁴, можно сделать вывод: появление в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела обусловлено исторически [6–8].

Сторонники стадии возбуждения уголовного дела указывают на ее самоценность и целесообразность [9]. Ученые отмечают, что стадия возбуждения уголовного дела является необходимым фильтром, позволяющим отсеивать сообщения о преступлении без данных, указывающих на признаки преступления [10], что ее предназначение – гарантировать защиту от необоснованного применения мер государственного принуждения [11]. Процессуально-правовое значение возбуждения уголовного дела – служить основанием для производства всех дальнейших судебно-следственных действий по расследованию и разрешению уголовного дела [12].

Противники стадии возбуждения уголовного дела опровергают целесообразность ее ликвидации, указывают на двойное получение одних и тех же сведений и повторное установление уже установленных обстоятельств [13]. Автор [14] утверждает, что существует возможность необоснованно увеличивать сроки проверки сообщения о преступлении, что ограничивает конституционное право граждан на доступ к правосудию [14]. Ссылаясь на статистические данные Генеральной прокуратуры РФ, исследователи указывают на большой процент неправомερных отказов в возбуждении уголовных дел [15]. Многие процессуалисты считают, и не без основания, что стадия возбуждения уголовного дела в ее современном виде является «суррогатом расследования» [16; 17], что она противоречит Концепции судебной реформы РФ⁵.

Выявленные противоречия между результатами, полученными при исследовании стадии возбуждения уголовного дела практиками и теоретиками уголовного

процесса, требуют дальнейшего рассмотрения существующей проблемы.

Цель исследования – провести анализ изменений ч. 1 ст. 144 УПК РФ и показать, что внесенные в нее многочисленные поправки стирают грань между указанными стадиями, вследствие чего стадия возбуждения уголовного дела становится новой формой расследования преступлений.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование осуществлялось путем применения общенаучных методов: сравнительного анализа источников информации (научных статей, монографий, научной литературы, посвященной проблемам уголовного процесса); сравнительного анализа стадий досудебного судопроизводства и последующего анализа полученной информации. Описываемое в статье исследование проходило в несколько этапов:

1) изучение научных работ и процессуальных документов, посвященных становлению отечественного уголовного процесса вообще и досудебного производства в частности;

2) анализ изменений ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Краткая история формирования доследственной проверки

Формирование этапов уголовного судопроизводства, досудебного и судебного, началось в XI веке. В «заключе», «своде» и «гонении следа» – институтах древнерусского права, о которых сообщается в Русской Правде, первом своде законов Древнерусского государства, просматривается становление предварительного расследования. А. Куницын считал «свод» прообразом следствия, утверждая, что свод осуществлялся для обнаружения следов преступления и сбора доказательств с целью изобличения или оправдания подозреваемого. Через следствие «удостоверялось о подлинности самого дела и виновника оногo». С этой целью производились определенные действия: уполномоченное на то лицо должно было осмотреть следы самого преступления, допросить обвиняемого, взять показания свидетелей и очевидцев⁶. В эпоху дореформенного уголовного процесса России до 1864 года происходит формирование понимания повода – как начала судебного производства и основания – как условия для возбуждения уголовного дела. В этот же период сложилась система доказывания. Ф.Г. Эверс отмечал основное правило древнерусского судопроизводства: при нахождении ясных очевидных признаков совершения преступного деяния обвинение считается достоверным; если признаки совершения преступления не очевидны, то дело требует судебного разбирательства, а улики надо подтверждать⁷.

Огромное влияние на развитие и формирование современного уголовного процесса России оказали и оказывают два документа, первый из которых – Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС).

² Куницын А. Историческое изображение Древнего Судопроизводства в России. СПб.: тип. 2 Отд. собств. е. и. в. Канцелярии, 1843. 151 с.

³ Эверс Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Перевод с немецкого Иван Платонов. СПб.: Печатано в типографии Штаба отдельного корпуса Внутренней стражи, 1835. 448 с.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 4-е изд. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1912. 594 с.

⁵ Концепция Судебной Реформы в Российской Федерации 1991. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года «О Концепции судебной реформы РСФСР» // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 1–19.

⁶ См. 2.

⁷ См. 3.

В.Н. Григорьев считал, что в УУС «давно и очень мудро» была сформирована правовая система и впервые были отражены многие категории, демократические принципы и состязательные процедуры уголовного судопроизводства [18].

Досудебное производство до 1917 года еще не знало формального деления на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, хотя фактически оно существовало. Согласно ст. 253 УУС проверку поступивших заявлений осуществляла полиция в случаях, если информация, изложенная в сообщении, вызывала сомнение или сам источник информации был сомнителен. Тогда проверялось, действительно ли происшествие случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка. Проверка осуществлялась посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения, без производства обысков или выемок в домах. В.К. Случевский считал, что целью проверки (дознания) являлось только обнаружение признаков преступления в деянии, а дальнейшие действия по разысканию и обличению преступника должны выполняться следователем⁸. Если в ходе проверки (дознания) полиция устанавливала, что в событии имеются признаки преступления, то на место преступления вызывался судебный следователь, который и начинал производство следственных мероприятий [19]. В.Н. Григорьев утверждал, что проверка (дознание) осуществлялась не в уголовно-процессуальной форме и предшествовала деятельности судебного следователя в форме предварительного следствия. Проверка рассматривалась как первоначальное изыскание, проводимое для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до соответствующих органов слухов и сведений о преступлении [18]. Проверка (дознание) предшествовала следствию, и эта деятельность, по сути, была административной [20].

Второй документ, УПК РСФСР 1960 года, под основанием к возбуждению уголовного дела понимал полученные из установленных законодательством источников достаточные данные о наличии признаков преступления при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу [21]. «Под непосредственным обнаружением признаков преступления понималась процессуальная, оперативно-розыскная, административная или иная деятельность компетентных органов. Под достаточностью данных, указывающих на наличие признаков подготавливаемого или совершенного преступления, предполагалось наличие такой их совокупности, которая дает основание для вероятного вывода о том, что совершено преступление, предусмотренное законом. При оценке достаточности данных, указывающих на совершение преступления в стадии возбуждения уголовного дела, особое внимание обращается на наличие признаков объекта и объективной стороны состава преступления»⁹.

Проверка осуществлялась путем истребования необходимых материалов и получения объяснений. Как

неотложное следственное действие разрешался осмотр места происшествия. Ст. 109 УПК РСФСР категорически запрещала в стадии возбуждения уголовного дела производство следственных действий. Уголовно-процессуальная деятельность по законодательству 1960 года представляла собой четко организованную систему. Согласно кратко рассмотренным положениям УУС 1864 года и УПК РСФСР 1960 года информация, полученная в ходе проверки сообщения о преступлении, не использовалась в качестве доказательств, а лишь служила ориентиром для последующего проведения следственных действий после возбуждения уголовного дела.

Изменение методов осуществления доследственной проверки в УПК

Изменение политического вектора развития страны, принятие новой Конституции 1993 года и судебная реформа 1991–1993 годов привели к тому, что потребовалось разработать и принять новое уголовно-процессуальное законодательство. В 2001 году вступил в силу новый УПК РФ. Модернизация уголовно-процессуального законодательства происходила не путем выработки новых концепций, а путем внесения многочисленных поправок. Но несмотря на неоднократные изменения, утверждение, что проверка сообщения о преступлении проводится с целью установления наличия оснований для возбуждения уголовного дела, сомнений не вызывало [22].

В определениях Конституционного суда РФ¹⁰ говорилось, что, если в ходе проверки сообщения о преступлении обнаруживаются признаки преступления, необходимо выносить постановление о возбуждении уголовного дела, а также что задачей стадии возбуждения уголовного дела является определение формальных оснований для начала публичного уголовного преследования от имени государства в связи с совершенным преступным деянием для последующих процессуальных действий органов дознания и предварительного следствия.

До внесения первых изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ 2001 года по умолчанию проверка сообщения о преступлении осуществлялась с использованием методов, указанных в ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР. При этом ч. 1 ст. 144 УПК РФ не содержала каких-либо указаний на то, какие действия должны проводиться в стадии возбуждения уголовного дела. Однако в ч. 4 ст. 146 УПК РФ отмечалось, что при направлении прокурору постановления о возбуждении уголовного дела следователь или дознаватель должны приложить материалы проверки сообщения о преступлении и акт освидетельствования, что указывало на возможность проведения этого следственного действия.

В 2003 году законодатель предпринял попытку устранить вышеуказанную правовую коллизию и разрешил

¹⁰ *Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 600-О-О; от 14 января 200 г. № 1-П; от 23 марта 1999 г. № 5-П; от 27 июня 2000 г. № 11-П; от 18 июля 2006 г. № 343-О; от 21 декабря 2006 г. № 533-О; Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О «По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».*

⁸ Случевский В.К. *Учебник русского уголовного процесса*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 670 с.

⁹ *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В.Т. Томина. 4-е изд. перераб. и доп.* М.: Юрайт, 2000. 760 с.

следователям и дознавателям при проверке сообщения о преступлении требовать производство документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов¹¹.

В марте 2010 года законодатель расширил полномочия органов предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела, разрешив им, кроме производства документальных проверок, ревизий и привлечения специалиста, исследовать документы, трупы и предметы. Несколько позже, в декабре этого же года, разрешил давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий¹². Несмотря на расширение полномочий органов предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела, в ст. 144 УПК РФ не утверждалось, что полученная информация может стать доказательством по уголовному делу, но этот вопрос уже активно обсуждался.

В 2013 году в ч. 1 ст. 144 УПК РФ были внесены изменения, приуроченные к внедрению в практику предварительного расследования сокращенной формы дознания, но эти изменения впоследствии распространились на все формы досудебного производства. Был значительно расширен список мероприятий, проведение которых разрешалось до возбуждения уголовного дела: получение объяснений; истребование документов и предметов; проведение ревизий и документальных проверок; привлечение специалистов; направление письменных поручений органу дознания для проведения оперативно-розыскных мероприятий; осмотр места происшествия; осмотр предметов и документов; осмотр трупа; освидетельствование; назначение и производство экспертиз; получение образцов для сравнительного исследования.

В п. 1.1 ч. 1 ст. 144 УПК РФ предписано в обязательном порядке разъяснять участвующим в производстве процессуальных действий лицам их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ там, где производимые процессуальные действия и принимаемые решения затрагивают их интересы: приносить жалобы на действия и решения должностных лиц; пользоваться услугами адвоката; не разглашать данные досудебного производства. В п. 1.2 указывалось, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ.

Изменения, внесенные законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, раздвинули давно сложившиеся границы стадии возбуждения уголовного дела. Законодатель расширил перечень ранее разрешенных процессуальных, следственных и иных действий в стадии возбуждения уголовного дела, обязал органы предварительного рас-

следования выполнять действия, прописанные в п. 1.1 ч. 1 ст. 144 УПК РФ, и сделал возможным использование информации, полученной в ходе проверки сообщения о преступлении в качестве доказательств по уголовному делу. В результате органы предварительного следствия получили полномочия проводить полноценное расследование и получать любого вида доказательства виновности лица, которое впоследствии может стать подозреваемым.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что проверка сообщения о преступлении задумывалась как способ получения дополнительной информации, необходимой для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, если имеется сомнение в наличии признаков преступления или эти признаки неочевидны.

Предварительная проверка включала комплекс гласных и негласных мероприятий по первоначальному выяснению обстоятельств события и определению его уголовно-правового характера: совершено ли происшествие, заключающее в себе преступление¹³. Принимаемые впоследствии законы, регламентирующие уголовный процесс, в течение длительного времени подтверждали это правило. Проверка проводилась типичными для органов дознания методами – административными и оперативно-розыскными и только в исключительных случаях – следственными [23]. Информация, полученная в ходе проверки, служила поводом для начала предварительного расследования и не использовалась в качестве доказательств виновности.

Изменения, внесенные законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ с 2003 по 2013 годы, раздвинули привычные границы стадии возбуждения уголовного дела, по сути, превратив ее в «суррогат» расследования. Все чаще стал употребляться термин «доследственная проверка», который полностью меняет суть проверки сообщения о преступлении. Получается, что до стадии предварительного расследования тоже проводится расследование, но только не в полном объеме и не только с помощью следственных действий. Вместо проверки сообщения о преступлении получили псевдорасследование, результаты которого можно использовать в качестве доказательств. Начало предварительного расследования сместилось к стадии возбуждения уголовного дела: проверка наличия оснований к началу предварительного расследования фактически стала начальным этапом предварительного расследования. Произошло слияние внепроцессуальной деятельности с процессуальной. Доказывание, как деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств для установления юридически значимых обстоятельств, фактически начинается до возбуждения уголовного дела. В связи с этим обострилась дискуссия о значении постановления о возбуждении уголовного дела.

¹¹ Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003 № 92-ФЗ.

¹² Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 09.03.2010 г. № 19-ФЗ и Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» от 28.12.2010 № 404-ФЗ.

¹³ Петр I. Труды и дни императора Всероссийского: именные указы, переписка, мемуары, воспоминания современников. М.: Эксмо, 2013. 540 с.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Современная законодательная конструкция ч. 1 ст. 144 УПК РФ противоречит основной задаче, стоящей перед стадией возбуждения уголовного дела, – выявлению оснований для начала предварительного расследования. Расширяя список действий по проверке сообщения о преступлении, и разрешая производство следственных действий до возбуждения уголовного дела, законодатель нивелирует назначение этой стадии, стирает ее принципиальное отличие от предварительного расследования, обесмысливает процессуальные формы уголовного судопроизводства. Традиционно считающиеся непроцессуальными формы проникли в регулируемую уголовно-процессуальным законом сферу деятельности, а процессуальные формы деятельности переместились на тот этап, который достаточно долго считался непроцессуальным.

Однако подходить к вопросу об упразднении или очередном видоизменении стадии возбуждения уголовного дела надо осмотрительно, с учетом как исторических факторов, так и современных тенденций. Для решения этой проблемы требуется дальнейшее серьезное изучение ранее существовавших в отечественном уголовном процессе методов осуществления проверки сообщений о преступлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкин Б.Т. Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: KnoРус, 2003. 672 с.
2. Грязева Н.В., Кабанен Е.С. особенности приёма, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник самарского юридического института. 2021. № 3. С. 122–127.
3. Белозеров Ю.Н. Возбуждение уголовного дела по советскому законодательству // Публичное частное право. 2019. № 1. С. 24–41.
4. Сорокин П.А. Новые советские кодексы и советское правосудие // Наследие. 2017. № 2. С. 146–157.
5. Зиновкина И.Н. Проблемы правовой регламентации проверки заявлений и сообщений о преступлениях в России и пути их преодоления // Публичное и частное право. 2016. № 4. С. 91–100.
6. Карягина О.В. История становления института дознания в уголовном процессе России // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 1. С. 65–67.
7. Федорова И.А. История становления стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // История государства и права. 2017. № 5. С. 32–37.
8. Умаров Д.А. Предпосылки становления и развития института дознания в России // Евразийский юридический журнал. 2016. № 12. С. 148–150.
9. Абрамова Л.Л. Исторический опыт и современные проблемы правовой регламентации начала предварительного расследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 127–133.
10. Давлетов А.А., Кравчук Л.А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного

отечественного уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 114–120.

11. Козлов В.В. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7. С. 211–214.
12. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Наука, 1970. 516 с.
13. Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 133–139.
14. Гаврилов Б.Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 2. С. 35–50.
15. Логунов С.П., Умнов Э.К., Кутуев Э.К. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3. С. 88–93.
16. Огрызков А.В. Дискуссионный вопрос о стадии возбуждения уголовного дела: «за» или «против» // Закон и право. 2018. № 12. С. 116–119.
17. Миллер В.Ю. Институт доследственной (предварительной) проверки в системе современного досудебного производства по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4. С. 266–270.
18. Григорьев В.Н. Устав Уголовного Судопроизводства 1864 года как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1409–1414.
19. Чуприн Д.А. Становление судебной власти в России в XIX–XX веках // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2018. № 5. С. 102–109.
20. Лазарева В.А. Доказывание судебное и досудебное // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 1. С. 89–94.
21. Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В.А. Болдырева. М.: Госюриздат, 1963. 830 с.
22. Чашин А.Н. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. М.: Эксмо, 2018. 976 с.
23. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки // Lex Russia (Русский закон). 2015. Т. 107. № 10. С. 115–127.

REFERENCES

1. Bezlepkin B.T. *Kommentarii k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu RF (postateynnyy)* [Commentaries to the RF Criminal Procedure Code (article-by-article)]. 2nd izd., pererab. i dop. Moscow, KnoRus Publ., 2003. 672 p.
2. Gryazeva N.V., Kabanen E.S. Special aspects of acceptance, booking and controlling of crime reports and incidents within the penal institutions. *Vestnik samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2021, no. 3, pp. 122–127.

3. Belozеров Yu.N. Institution of a criminal case under the soviet legislation. *Publichnoe chastnoe pravo*, 2019, no. 1, pp. 24–41.
4. Sorokin P.A. New Soviet codes and Soviet justice. *Nasledie*, 2017, no. 2, pp. 146–157.
5. Zinovkina I.N. The problems of legal regulation of checking claims and reports on the crimes in Russia and the ways of their overcoming. *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2016, no. 4, pp. 91–100.
6. Karyagina O.V. The history of the inquiry institute in the criminal process of Russia. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 65–67.
7. Fedorova I.A. History of the stage of initiation of criminal proceedings in criminal trial of Russia. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2017, no. 5, pp. 32–37.
8. Umarov D.A. Background of establishment and development of the institute of inquiry in Russia. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2016, no. 12, pp. 148–150.
9. Abramova L.L. Historical experience and current problems of the legal regulation of the first stage of the preliminary investigation. *Yuridicheskaya nauka i pravokhranitel'naya praktika*, 2019, no. 1, pp. 127–133.
10. Davletov A.A., Kravchuk L.A. The stage of initiation of a criminal case - a compulsory stage of modern native criminal process. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2010, no. 6, pp. 114–120.
11. Kozlov V.V. The criminal case initiation stage: pros and cons. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2017, no. 7, pp. 211–214.
12. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogogo protsesssa. Poryadok proizvodstva po ugovolnym delam po sovetскому ugolovno-protsessualnomu pravu* [A course in the Soviet criminal procedure. Procedure for criminal cases in the Soviet criminal procedure law]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2, 516 p.
13. Rossinskiy S.B. Initiation of a criminal case: unconditionally abolish or try to understand the true reasons for its occurrence? *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2021, vol. 16, no. 6, pp. 133–139.
14. Gavrilov B.Ya. The concept of the beginning of criminal proceedings: legal myths and realities of law enforcement. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2017, no. 2, pp. 35–50.
15. Logunov S.P., Umnov E.K., Kutuev E.K. The stage of initiation criminal proceedings: for and against. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 3, pp. 88–93.
16. Ogryzkov A.V. Discussion the question of the stage of initiation of criminal proceedings: for or against. *Zakon i pravo*, 2018, no. 12, pp. 116–119.
17. Miller V.Yu. Institute of pre-investigation (preliminary) verification in the system of modern pre-trial criminal proceedings. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2017, no. 4, pp. 266–270.
18. Grigorev V.N. The 1864 criminal court procedure statute as a source of original sense of the current criminal-procedural categories. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2014, no. 7, pp. 1409–1414.
19. Chuprin D.A. Formation of the judicial power in Russia in the XIX–XX centuries. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept*, 2018, no. 5, pp. 102–109.
20. Lazareva V.A. Evidence – trial and pre-trial. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 89–94.
21. Boldyrev V.A., ed. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu RSFSR* [Scientific practical commentary to the Criminal Procedure Code of the RSFSR]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 830 p.
22. Chashin A.N. *Postateynnyy kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu RF* [Article-by-article commentary to the RF Criminal Procedure Code]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 976 p.
23. Sheyfer S.A. Investigative action – the legitimacy of new interpretation? *Lex Russia (Russkiy zakon)*, 2015, vol. 107, no. 10, pp. 115–127.

THE INFLUENCE OF AMENDMENTS OF PART 1 OF ARTICLE 144 OF THE RF CRIMINAL PROCEDURE CODE ON THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

© 2022

A.V. *Muruzidi*, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: part 1 of Art. 144 of the RF CPC; pre-investigation check; procedural actions; operational search actions; pre-trial proceedings; the stage of initiation of a criminal case; the stage of preliminary investigation.

Abstract: In 2013, based on Federal law No. 23-FZ, part 1 of Art. 144 of the RF Criminal Procedure Code was amended: it became allowed to carry out various procedural, investigative, and other actions; to explain to the participants of these actions their rights; to consider information obtained when examining crime reports as evidence. These amendments both considerably influenced understanding of the very beginning of a criminal case initiation and produced significant problems in collecting, checking, and assessing evidence as the structural elements of the proof process. The theoretical study shows that having the right to carry out procedural, investigative, and other activities at the stage of initiating a criminal case enshrined, the legislator omitted two very significant aspects. The first one is the absence of possibility to perform some actions in the order established by the RF Criminal Procedure Code as the procedure of such actions, for instance, getting the explanations, seizure of documents and things, is not regulated in any way by the RF Criminal Procedure Code. The actions regulated by the RF Criminal Procedure Code (forensic investigation appointment, examination, etc.) can be performed only within the frame of an initiated criminal case. The second one is that the expanded capabilities of investigation authorities at the stage of the criminal case initiation dissolved the boundaries between the preliminary investigation stage and the stage of initiating a criminal case actually turning the stage of initiating a criminal case into the “investigation imitation” carried out apart from the criminal procedure principles specified for the investigation.

НАШИ АВТОРЫ

Голенко Диана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: golenko.diana@bk.ru

Иванов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: A.Ivanov18@ttsu.ru

Мещерякова Юлия Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: Julia.maksimikhina@legalclinic.ru

Моисеев Александр Владимирович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: ur63@yandex.ru

Моисеева Валентина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: upik85@yandex.ru

Мурузиди Алексей Викторович, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: muruzidi72@mail.ru

Мычак Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: mychak_tatyana@mail.ru

Тахаутдинова Алия Рахимзяновна, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: moya_karamalka@mail.ru

OUR AUTHORS

Golenko Diana Viktorovna, PhD (Law), Associate Professor.
Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse, 34.
E-mail: golenko.diana@bk.ru

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: A.Ivanov18@tltu.ru

Meshcheryakova Yulia Olegovna, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 4
45020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: Julia.maksimikhina@legalclinic.ru

Moiseev Aleksandr Vladimirovich, PhD (Law),
senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: ur63@yandex.ru

Moiseeva Valentina Yuryevna, PhD (Economics),
assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: upik85@yandex.ru

Muruzidi Aleksey Viktorovich, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: muruzidi72@mail.ru

Mychak Tatyana Vladimirovna, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: mychak_tatyana@mail.ru

Takhautdinova Aliya Rakhimzyanovna, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: moya_karamalka@mail.ru